Л. А. Волкенштейнъ.

13 лѣтъ

въ Шлиссельбургской крѣпости.

Ц. 20 к.

ИЗДАНІЕ
Е. М. АЛЕКСѢЕВОЙ.
1906.

13 лѣтъ

въ Шлиссельбургской крѣпости.

ЗАПИСКИ

Людмилы Александровны Волкенштейнъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117
1905.

13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости[1]).

ЗАПИСКИ

Людмилы Александровны Волкенштейнъ.

Эти наброски о тринадцилѣтней жизни въ Шлиссельбургской крѣпости сдѣланы въ самыхъ общихъ чертахъ, только чтобы дать читателю понятіе о главныхъ событіяхъ за этотъ промежутокъ времени. Описать подробно жизнь за такой длинный періодъ,—жизнь, въ которой пережито такъ много внутренно и такъ мало по внѣшности,—очень трудно. Это можно было бы сдѣлать лишь при очень подходящемъ настроеніи. Описаніе же подробностей безъ ихъ внутренняго смысла, вѣроятно, вышло бы односторонне и блѣдно, тѣмъ болѣе, что многихъ сторонъ жизни въ тюрьмѣ я не считаю удобнымъ касаться, какъ по внѣшнимъ, такъ и по внутреннимъ причинамъ.

Вышло, кажется, безъ преувеличенія, такъ какъ, хотя мною и взяты болѣе яркіе факты, но зато мелкіе факты,

[1]) Изъ Шлиссельбургской крѣпости, гдѣ заживо похоронены лучшіе люди Россіи, ничего не проникаетъ въ міръ живыхъ. Только немногіе освобожденные изъ этого живого гроба могутъ разсказать міру про всѣ его ужасы и безнадежную жизнь заключенныхъ въ немъ мучениковъ. Людмила Александровна Волкенштейнъ, просидѣвшая въ Шлиссельбургской крѣпости 13 лѣтъ, даетъ въ своихъ запискахъ представленіе объ этой крѣпости и жизни заключенныхъ. Л. А. Волкенштейнъ принадлежала къ партіи Народной Воли и пробыла въ крѣпости отъ 1883 до 1896 года. Такъ какъ къ ней былъ примѣненъ манифестъ, то ей была сбавлена одна треть срока и ее отправили зимой 1896 года въ Сахалинъ. Во время пути на Сахалинъ она написала перепечатываемыя здѣсь записки. Берлинъ. 1902.

ежедневно давившіе, были въ концѣ концовъ не менѣе, если не болѣе ужасны, потому что они преслѣдовали заключенныхъ ежедневно, ежеминутно, и избавиться отъ нихъ не было никакой надежды, — между тѣмъ они-то и опущены. Кое-что, вѣроятно, перепутано въ хронологическомъ порядкѣ, но забыто все же немного. Фактическая же сторона вездѣ достовѣрна, исключая мѣстъ, гдѣ сдѣланы оговорки. Во всякомъ случаѣ, эти наброски могутъ дать кое-какое понятіе о Шлиссельбургской тюрьмѣ и могутъ послужить матеріаломъ для будущаго ея историка.

Разскажу сначала о старой и новой тюрьмахъ, гдѣ жили и умирали заключенные.

Новая тюрьма въ Шлиссельбургѣ открыта въ августѣ 1884 г. До постройки новаго зданія тамъ была небольшая одноэтажная тюрьма на 10 человѣкъ, существующая и теперь. Это не историческая тюрьма; она построена лѣтъ тридцать тому назадъ на мѣстѣ старой, отъ которой оставили только одну камеру въ башнѣ, примыкающей къ нынѣшней тюрьмѣ.

Кто сидѣлъ въ старой тюрьмѣ до нашего пріѣзда, не знаю. Въ наше же время, въ теченіе первыхъ семи лѣтъ, она служила карцеромъ и вообще мѣстомъ, куда удаляли наиболѣе безпокойныхъ или больныхъ заключенныхъ. Тамъ же содержали привезенныхъ для исполненія надъ ними смертнаго приговора. Наконецъ, туда же сажали всѣхъ новоприбывшихъ на 3—4 мѣсяца, чтобы выдержать ихъ первое время въ возможно болѣе суровыхъ условіяхъ. Въ послѣднія 6 лѣтъ тамъ были открыты мастерскія для заключенныхъ, хотя, когда надо было изолировать кого-нибудь, работы прекращались подъ предлогомъ ремонта зданія. На дворѣ этой тюрьмы первое время совершались казни; въ послѣдніе годы устроили огороды, насажали деревьевъ и т. д. Кромѣ этого большого двора, расположеннаго передъ фасадомъ старой тюрьмы, тамъ есть маленькій дворикъ позади зданія въ промежуткѣ между задней стороной тюрьмы и вѣковой стѣной, окружающей ее. Сюда выходятъ окна какъ тюрьмы, такъ и камеры въ башнѣ,

въ которой, кажется, сидѣлъ Іоаннъ Антоновичъ. На этомъ дворикѣ прогуливались изолированные. Въ старую тюрьму есть только одинъ входъ черезъ дворъ новой тюрьмы, изъ оконъ которой мы иногда видѣли, какъ проводили туда изолированныхъ и новоприбывшихъ. Старая тюрьма окружена со всѣхъ четырехъ сторонъ историческими стѣнами. Новая тюрьма—зданіе двухъ-этажное, кирпичное, краснаго цвѣта, узкое, длинное. Окна невысокія, въ длину 1 арш. 14 верш., стекла матовыя. На дворѣ новой тюрьмы находятся огороды и мѣсто для прогулки.

За описываемыя 12 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости перебывало 48 человѣкъ, изъ которыхъ въ первыя 6 лѣтъ погибло 21 человѣкъ и за послѣднія 6 лѣтъ еще трое.

Новая тюрьма замѣнила собой упраздненный Алексѣевскій равелинъ петербургской Петропавловской крѣпости, откуда и привезли въ августѣ 1884 года всѣхъ сидѣвшихъ тамъ со всей администраціей и инвентаремъ. Перевезенные (9 человѣкъ) были очень слабы, истощены и въ цынгѣ.

Въ Алексѣевскій равелинъ, между прочимъ, были посажены большинство по процессу Ал. Михайлова, происходившему въ 1882 г. Изъ нихъ черезъ годъ умерло шестеро: Колоткевичъ, Баранниковъ, Лангансъ, А. Михайловъ, Клѣточниковъ, Тетерка, а одинъ — Арончикъ сошелъ съ ума. Остальные были полусгнившими, когда вдругъ „замѣтили“, въ какомъ состояніи они находятся. Это было во второе или третье посѣщенія Оржевскимъ Алексѣевскаго равелина. Ранѣе же ничего „не замѣчали“, и докторъ [1]), тыкая пальцемъ въ распухшія ноги больныхъ заключенныхъ, говорилъ: „это еще пустяки“, и давалъ столовую ложку молока, а для улучшенія гнилой пищи—щей и каши. Всѣ обращались съ заключенными цинично, бездушно и грубо.

Въ Алексѣевскомъ равелинѣ, кромѣ другихъ заключен-

[1]) Старикъ — фамилія его Вильямсъ, имя Вильямъ. Авт.

ныхъ, сидѣло 14 человѣкъ по процессу Ал. Михайлова. Среди нихъ было три женщины: Лебедева, Якимова съ ребенкомъ и Терентьева. Лѣтомъ 1883 года тоже полусгнившими онѣ всѣ были увезены на Кару, исключая Терентьевой, исчезнувшей неизвѣстно куда: ее не привозили въ домъ предварительнаго заключенія передъ отправкой. Сидѣвшіе въ равелинѣ разсказывали потомъ, что въ куртинѣ крысы чуть не съѣли ребенка Якимовой, и показывали ужасный хлѣбъ, которымъ ихъ кормили. Впрочемъ, все это было напечатано въ брошюрахъ: „*Отъ мертвыхъ къ живымъ*“ и „*Пытка и каторга въ Петропавловской крѣпости*“, изданныхъ въ 1878 г., а потому не буду говорить подробнѣе.

Прибавлю только къ исторіи „равелинцевъ“, что изъ 14 человѣкъ, посаженныхъ въ равелинъ по этому процессу, осталось теперь въ живыхъ только трое: Фроленко, Морозовъ и Тригони.

Въ августѣ же 1884 г. были переведены въ нашу крѣпость сидѣвшіе какъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, такъ и въ Трубецкомъ. Эти заключенные — въ числѣ 10 человѣкъ — были привезены съ Кары, гдѣ они находились въ каторжныхъ работахъ, ихъ прислали сюда, какъ „наиболѣе безпокойныхъ“. Многіе изъ нихъ просидѣли уже въ тюрьмѣ до суда и на каторгѣ по нѣсколько лѣтъ. Условія ихъ жизни на Карѣ были немного лучше, чѣмъ въ крѣпостяхъ, но все же такъ ужасны, что они рѣшили бѣжать, а въ случаѣ неудачи сжечь себя въ тюрьмѣ; былъ вырытъ подкопъ, заготовленъ костеръ,—но планы ихъ были открыты. Для перевозки ихъ въ Петербургъ по Камѣ и Волгѣ была построена особая баржа безъ оконъ, съ одиночными помѣщеніями, со стражей у каждой двери. Всѣ они были закованы въ кандалы.

Въ октябрѣ 1884 г. привезены по процессу четырнадцати 9 человѣкъ; изъ нихъ были 2 женщины и 4 военныхъ.

Послѣ 1891 г. никого къ намъ больше не привозили.

Списокъ заключенныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости за 1884–1896 гг.

Когда привезли?	Откуда?	ФАМИЛІИ.	Всѣхъ.
Авг. 84 г.	Изъ Алексѣевскаго равелина.	Фроленко (арестованъ въ 1881 г.), Морозовъ (ар. 81 г.), Тригони (ар. 81 г.), Грачевскій (ар. 82 г.), Арончикъ (ар. 81 г.), Исаевъ (ар. 81 г.), Юрій Богдановичъ (ар. 82 г.), Поливановъ (ар. 82 г.), С. Златопольскій (ар. 81 г.) . .	9 чел.
—	Съ Кары.	Мышкинъ (ар. 75 г.) и Поповъ (ар. 79 г.) предварительно сидѣли въ Алексѣевскомъ равелинѣ Малавскій (ар. 77 г.), Щедринъ (ар. 81 г.), Буцинскій (ар. 79 г.), Юрковскій (ар. 80 г.), Кобылянскій (ар. 79 г.), Минаковъ (ар. 79 г) Геллисъ (ар. 79 г.), Долгушинъ (ар. 73 г.), — предварит. сидѣли въ Трубецкомъ равелинѣ . .	10 чел.
—	Изъ Петропавловск. кр.	Клименко (ар. 82 г.), Буцевичъ (ар. 82 г.)	2 чел.
—	Изъ Казанск. дома умалиш.	Игнатій Ивановъ (ар. въ 79 г.)	1 чел.
Окт. 84 г.	По процессу четырнадцати изъ Петропавловской крѣпости.	Вѣра Фигнеръ (ар. 83 г.), Людмила Волкенштейнъ (ар. 83 г.), Ашенбренеръ (ар. 83 г.), Похитоновъ (ар. 83 г.), Ювачевъ (ар. 83 г.) Тихановичъ (ар. 83 г.), Немоловскій (ар. 83 г.), Василій Ивановъ (ар. 83 г.), Суровцевъ (ар. 82 г.) .	9 чел.
Дек. 84 г.	По кіевскому процессу.	Шебалинъ (ар. 84 г.), Панкратовъ (ар. 84 г.), Мартыновъ (Борисевичъ) (ар. 84 г.) Карауловъ (ар. 84 г.) . . .	4 чел.

Когда привезли?	Откуда?	ФАМИЛІИ.	Всѣхъ.
1885 г.	Изъ Одессы.	Манучаровъ (ар. 84 г.), судился одинъ	1 чел.
1885 г.	Изъ Петропавловской крѣпости.	Административно осужденный на 5 л., бывшій военный, Логовской (ар. 84 г.) . . .	1 чел.
1886 г.	По варшав. процессу.	Варынскій (ар. 83 г.) и Яновичъ (ар. 84 г.)	2 чел.
1887 г.	По петерб. проц. 1 марта.	Лукашевичъ (ар. 87 г.) и Новорусскій (ар. 87 г.) . . .	2 чел.
—	По петербургскому процессу.	Германъ Лопатинъ (ар. 84 г.), Стародворскій (ар. 84 г.), Сергѣй Ивановъ (ар. 86 г.), Коношевичъ (ар. 84 г.), Антоновъ (ар. 85 г.)	5 чел.
1888 г.	—	Оржихъ (ар. 86 г.) . . .	1 чел.
1891 г.	—	Софья Гинсбургъ (ар. 89 г.).	1 чел.
		Всего . . .	48 чел.

Списокъ погибшихъ въ Шлиссельбургской крѣпости за 1884—1896 гг., оставшихся въ ней и увезенныхъ.

Въ первыя 6 лѣтъ до 1891 г.

Казнены: Минаковъ (6 сентября 1884 г.), Мышкинъ (въ началѣ января 1885 г).

Самоубійцы: Клименко (повѣсился въ сентябрѣ 1884 г.), Грачевскій (въ 1888 г. сжегъ себя, облившись керосиномъ).

Сумасшедшіе: Щедринъ, Ювачевъ, Коношевичъ.

Умерли отъ болѣзней: Милавскій, Буцевичъ, Тихановичъ, С. Златопольскій, Кобылянскій, Исаевъ, Игнатій Ивановъ, Долгушинъ, Геллисъ, Юрій Богдановичъ, Немоловскій, Арончикъ, Варынскій.—Тихановичъ, Арончикъ, Игнатій Ивановъ умерли сумасшедшими.

Въ послѣднія 6 лѣтъ.

Сошелъ съ ума: Похитоновъ.

Умерли отъ болѣзней: Буцинскій, Юрковскій.

Самоубійца[1]): Софья Гинсбургъ.

Всѣхъ погибшихъ 24 человѣка.

Увезены: Въ 1888 г. Карауловъ (въ Сибирь); въ 1895 г. Логовской (въ Сибирь); въ 1895 г. Манучаровъ (на Сахалинъ); въ 1896 г. Шебалинъ, Мартыновъ, Яковичъ, Суровцевъ (въ Сибирь); Людмила Волкенштейнъ (на Сахалинъ).

Увезены сумасшедшими: Въ 1887 г. Ювачевъ, въ 1896 г. Потихоновъ — въ Николаевскій петербургскій госпиталь, Щедринъ и Коношевичъ—въ Казань.

Остались въ Шлиссельбургской крѣпости: Вѣра Фигнеръ, Петръ Антоновъ, Юлій Ашенбренеръ, Сергѣй Ивановъ, Василій Ивановъ, Іосифъ Лукашевичъ, Германъ Лопатинъ, Николай Морозовъ, Михаилъ Новорусскій, Борисъ Оржихъ, Петръ Поливановъ, Михаилъ Поповъ, Василій Панкратовъ, Николай Стародворскій, Михаилъ Тригони, Михаилъ Фроленко[2]).

[1]) См. въ текстѣ. Авт.

[2]) Въ 1901 году посадили въ крѣпость Карповича, убившаго министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова.

I.

Я уже упоминала, что всѣхъ привезенныхъ въ 1884 г. въ Шлиссельбургъ содержали сначала въ Петропавловской крѣпости. Уже тамъ чувствовалось, что насъ ждетъ впереди. Тонъ, хоть и не всегда грубый, былъ мелоченъ и злобенъ. Зачѣмъ, напр., для людей, сидящихъ здѣсь послѣ суда лишь временно—всего нѣсколько дней, нужно было прочитать инструкцію для ссыльно-каторжныхъ, въ которой грозили розгами и пр.? Настроеніе здѣсь было чрезвычайно угнетенное: каждый чувствовалъ всѣ ужасы предстоящаго долгаго одиночнаго заключенія безъ книгъ, вдали отъ всего человѣческаго. Сидѣть цѣлый день въ своей камерѣ безъ чтенія и работы казалось равносильно смерти,—да такъ оно и было. Мысли были такія мрачныя, что думалось сначала, будто хотятъ совсѣмъ покончить съ нами; а когда вели каждаго закованнаго подъ руки по набережной пристани на пароходъ, многимъ приходило на мысль— не хотятъ ли утопить насъ? Въ тюрьму тоже вводили подъ руки,—почти несли, хотя каждый изъ насъ могъ свободно итти въ кандалахъ. Все это дѣлалось несмотря на то, что конвой былъ человѣкъ въ десять. На пароходѣ, конечно, мы догадались, куда насъ везутъ. Воображенію рисовались самыя ужасныя картины: представлялась камера въ подземельѣ безъ свѣта и воздуха, въ вѣчномъ бездѣйствіи, въ кандалахъ.

Мы ошибались: время подземелій, какъ и физическихъ пытокъ, устарѣло. Взамѣнъ ихъ существовали болѣе утонченныя, менѣе бросающіяся въ глаза. Первое наше впечатлѣніе въ Шлиссельбургской крѣпости было даже пріятно: чистыя сухія камеры—правда, съ матовыми стеклами, но все же довольно свѣтлыя. Чистое тонкое постельное бѣлье; раковины для умыванія и коридорные клозеты. Камера маленькая—шаговъ 7 въ длину и 5 въ ширину—общаго типа съ домомъ предварительнаго заключенія и потому, быть

можетъ, еще болѣе пріятная вслѣдствіе воспоминанія о послѣднихъ „свободныхъ“ дняхъ,—разумѣется, относительно свободныхъ . . . . Койки запирались на замкахъ и, кромѣ скамейки, въ камерѣ нѣтъ ничего.

При входѣ въ камеру смотритель заявилъ намъ, что „по обязанностямъ службы долженъ говорить лишеннымъ правъ—ты“, но старался обращаться къ намъ въ третьемъ лицѣ. Скоро принесли чай,—въ прикуску, но не кипятокъ, какъ это было въ Петербургѣ. Послѣ оказалось, что не со всѣми обращались такъ. Это тоже была своего рода система: дѣлали это отчасти для разобщенія интересовъ, отчасти для задабриванія—въ надеждѣ, что не всѣ будутъ стучать, и такимъ образомъ начальство надѣялось добиться полнаго одиночнаго заключенія, если большинство не будетъ стучать.

Съ этой цѣлью насъ размѣщали сначала черезъ камеру; но когда это стало невозможнымъ, вслѣдствіе прибытія многихъ новыхъ заключенныхъ,—стукъ усилился. Стучали очень тихо и старались выбирать для этого самые подходящіе моменты,—напр., время раздачи пищи, когда стража была занята своимъ дѣломъ. Но, разумѣется, несмотря на всѣ наши предосторожности, насъ ловили на мѣстѣ преступленія и въ такихъ случаяхъ происходили самыя возмутительныя сцены: начинали говорить „ты“, приставляли жандарма къ дверному глазку, который колотилъ въ дверь, какъ только слышалъ стукъ; начинались внушенія: „это, молъ, дѣтская забава—стыдно“; лишали книгъ,—книги были, правда, все больше духовнаго содержанія или какой-нибудь хламъ, но все же онѣ были драгоцѣнны для тѣхъ, кто не хотѣлъ безъ борьбы сойти съ ума; наконецъ, надѣвали даже сумасшедшую рубаху.

Буду разсказывать по порядку.

Мы тоже старались сначала дѣйствовать убѣжденіемъ; говорили, что здѣсь всѣ осужденные, а потому нѣтъ никакого смысла запрещать стукъ; доказывали, что та система, когда физически можно говорить, но приходится молчать по принужденію, равносильна пыткѣ и потому пусть не удив-

ляются, что не встрѣчаютъ съ нашей стороны послушанія. Однако эти наивныя увѣщеванія допускались намъ лишь на первое время; привезеннымъ же ранѣе никакихъ разговоровъ уже не полагалось. Въ случаѣ стука обыкновенно врывалось въ камеру нѣсколько человѣкъ стражи; „ты“ такъ и сыпалось, раздавались ругательства. Если заключенный отвѣчалъ въ томъ же родѣ, по знаку смотрителя на него набрасывались, валили на полъ, били подъ предлогомъ сопротивленія и, надѣвъ сумасшедшую рубаху, привязывали его къ желѣзной койкѣ на нѣсколько часовъ, часто вкладывая въ ротъ деревяшку, чтобы не кричалъ. Сосѣди, услышавъ свалку, начинали протестовать, кричали: „что вы съ нимъ дѣлаете?“ Тогда накидывались на этихъ и вязали ихъ. Суматоха становилась невыразимой, слышались крики, топотъ, свалка и хрипъ лежавшихъ съ деревяшками во рту. Во всѣхъ концахъ тюрьмы было хорошо слышно, что дѣлалось въ какой-нибудь отдѣльной камерѣ. Во избѣжаніе такого переполоха, провинившихся стали вскорѣ уводить въ старую тюрьму, сажали въ карцеръ и тамъ ужъ расправлялись съ ними.

Одинъ изъ нашихъ товарищей разсказывалъ, какъ къ нему въ камеру вошелъ смотритель и съ шипѣніемъ проговорилъ: „раз-бой-никъ, него-дяй,—я тебя!“ На это онъ отвѣтилъ: „варваръ“. Тогда на него бросились жандармы, связали и *связаннаго* избили въ кровь. Когда же онъ потребовалъ медицинскаго осмотра, докторъ заявилъ: „помяли во время сопротивленія!“

Одинъ разъ во время ревизіи заговорили о побояхъ, но Оржевскій отвѣтилъ: „быть не можетъ, потому что вся стража отрицаетъ побои“.

Борьба съ администраціей для насъ была очень трудна. Большая часть заключенныхъ была уже измучена ужасной жизнью на каторгѣ и въ равелинѣ и жила одной надеждой, что вотъ-вотъ будетъ лучше. Новички думали, что такой адъ продолжится не болѣе одного-двухъ лѣтъ, и рѣшили, насколько силъ хватитъ, выносить мученія. Опытные же люди знали, что на короткое время не привезли бы сюда

изъ равелина; знали также, что никакіе законы не требуютъ такой нечеловѣческой свирѣпости, что многое зависитъ отъ произвола властей, и что съ этимъ произволомъ надо бороться...

И вотъ въ результатѣ, послѣ трехъ мѣсяцевъ жизни въ Шлиссельбургѣ, въ сентябрѣ 1884 г., Минаковъ рѣшилъ потребовать голодовкой книгъ и свиданій съ товарищами. Когда силы его ослабѣли, и его хотѣли кормить искусственнымъ образомъ, онъ далъ пощечину доктору, требуя казни „за оскорбленіе дѣйствіемъ", какъ сказано было въ вывѣшенной на стѣнѣ инструкціи. Черезъ нѣсколько дней его водили въ судъ и прочли ему смертный приговоръ. Предлагали написать прошеніе о помилованіи, но онъ отказался. Въ день казни онъ просилъ позволенія написать роднымъ, но это ему не позволили. И вотъ утромъ послышались мѣрные шаги караула. Вся тюрьма чутко стала прислушиваться и замерла въ ожиданіи. Въ камеру Минакова вошло нѣсколько человѣкъ; смотритель сказалъ: „халата не нужно, а шапку можно". Вслѣдъ затѣмъ раздался крикъ Минакова: „прощайте, братцы, --ведутъ разстрѣливать!" а минутъ черезъ десять до насъ донесся залпъ на большомъ дворѣ... Разстрѣляли чуть не на глазахъ!

Черезъ нѣсколько дней стали отбивать во всѣхъ камерахъ вентиляторы и задвижки у оконъ: оказалось потомъ, что повѣсился Клименко.

Еще черезъ 2 мѣсяца, на первый день Рождества, среди обычной тишины послышался вдругъ звонъ упавшей металлической тарелки, а затѣмъ топотъ ногъ, свалка и крикъ Мышкина: „казните меня . . . не бейте же, казните!" Всѣ замерли въ ужасѣ, боясь вѣрить ушамъ и не понимая, въ чемъ дѣло, такъ какъ никто, кромѣ сосѣда Мышкина не зналъ о его намѣреніи оскорбить дѣйствіемъ и требовать казни въ надеждѣ обратить вниманіе на происходящее въ Шлиссельбургѣ.

Черезъ три недѣли Мышкина судили, и о казни его мы узнали по найденной потомъ надписи: „Мышкинъ осужденъ на казнь".

Борьба продолжалась все съ большимъ и большимъ ожесточенiемъ; сидѣвшiе уже начали стучать черезъ коридоръ съ намѣренiемъ сговориться о болѣе общемъ образѣ дѣйствiй. Наиболѣе непокорныхъ, по мнѣнiю начальства, уводили въ старую тюрьму, но оставшiеся стали стучать еще сильнѣе, требуя, чтобы и ихъ увели туда же, надѣясь такимъ образомъ сдѣлать безсмысленнымъ изолированiе товарищей въ карцерѣ, такъ какъ въ старой тюрьмѣ было только 10 камеръ. Въ старой тюрьмѣ дѣло дошло до того, что жандармы должны были до изнеможенiя ударять въ мѣдные тазы, лишь бы помѣшать стуку заключенныхъ. Однако, они продолжали разобщать сидѣвшихъ, насколько было возможно.

Къ этому времени[1]) начали болѣть. Оказалось, что больныхъ вовсе не лѣчатъ. Цынготнымъ и легочнымъ съ кровохарканьемъ давали ту же пищу, что и здоровымъ, т. е. 2 раза въ недѣлю постныя щи и кашу и въ остальные дни то же съ крошечнымъ кусочкомъ говядины изъ супа. Многiе положительно голодали,—особенно давно сидѣвшiе, успѣвшiе нажить ужасные катары пищеварительныхъ органовъ. Съ нѣкоторыми начались галлюцинацiи, другiе лежали на каменномъ полу неподвижно, не будучи въ состоянiи сидѣть цѣлый день на скамейкѣ. Койки были, но онѣ поднимались и запирались на замокъ съ 6 утра до 8 ч. вечера. Женщины тоже лежали на полу, вдобавокъ въ очень плохомъ, легкомъ платьѣ, такъ какъ имъ, кромѣ халата съ тузами и бѣлья, не давали нижняго суконнаго платья, въ противоположность мужчинамъ. У мужчинъ былъ шутовской нарядъ, сдѣланный наполовину изъ чернаго сукна, наполовину изъ сѣраго, съ желтыми тузами и клеймами—теперь онъ упраздненъ.

Больницы не было, нѣтъ и теперь. Докторъ заходилъ по зову, или когда это находилъ нужнымъ смотритель. Докторъ былъ молодой человѣкъ, только что окончившiй курсъ, по фамилiи Звонкевичъ. Человѣкъ не злой, но безъ воли,

---

[1]) Мѣсяцевъ черезъ шесть. Авт

подчинявшійся почти безпрекословно „установленному режиму“, считая его, очевидно, за нѣчто роковое: да такъ оно и было, такъ какъ его устанавливали „свыше“. Лѣкарства кой-какія давали, но больничной пищи никому. Ухода за больными не было *никакого*. Однимъ изъ первыхъ умеръ Тихановичъ; умирая, онъ очень стоналъ. Онъ никогда не стучалъ, вѣроятно вслѣдствіе своей болѣзни; еще на судѣ онъ былъ очень печаленъ и разстроенъ. Судя по нѣкоторымъ словамъ, доносившимся къ ближайшимъ сосѣдямъ, можно думать, что онъ былъ помѣшанъ. Умеръ онъ, кажется, отъ воспаленія легкихъ. Повидимому, его во время агоніи унесли умирать въ старую тюрьму, чтобы избѣжать волненія среди заключенныхъ.

Арончикъ тоже не стучалъ, и по нѣкоторымъ признакамъ за его жизнь очень опасались...

Тюрьма волновалась все болѣе и болѣе; у многихъ были отдѣльныя столкновенія съ начальствомъ. Шебалинъ голодалъ и требовалъ свиданія съ родными. На 31-ый день голоданія онъ впалъ въ безсознательное состояніе и началъ ѣсть. Игнатій Ивановъ, привезенный изъ Казани, какъ выздоровѣвшій, началъ страдать безсонницей, а послѣ—меланхоліей, и его шаги день и ночь гулко раздавались въ камерахъ сосѣдей.

Начали потомъ раздаваться крики по ночамъ: оказалось, сошелъ съ ума Щедринъ. Ужаснѣе всего было то, что его наказывали за нарушеніе дисциплины, какъ здороваго, не вѣря его болѣзни. И вотъ къ нему стали врываться и днемъ, и ночью, часто уводили его въ старую тюрьму. Щедринъ 2 раза былъ уже приговоренъ къ казни, во второй разъ по пути въ Сибирь за „оскорбленіе дѣйствіемъ“, когда вязали за что-то Ковальскую. На Карѣ онъ таскалъ за собой прикованную тачку. Попавши въ Шлиссельбургъ, онъ съ самаго уже начала сталъ заговариваться. Ему казалось, что жандармы задались цѣлью „изсушить его умственныя способности“ и потому заглядываютъ непрерывно въ дверной глазокъ. Онъ вообразилъ вдругъ, что половина его головы уже

пропала, но все же осталось полголовы, одинъ глазъ,—и ихъ надо во что бы то ни стало спасти, не давая смотрѣть на нихъ. Бѣда же въ томъ, что это не простые жандармы, а „особенные, знающіе всю современную науку“. Про весь этотъ свой бредъ онъ стучалъ сосѣдямъ. Съ нимъ случались припадки буйства, онъ старался мѣшать жандармамъ заглядывать въ окошечко.. . Но такъ какъ они заглядывали, конечно, еще чаще, то онъ не могъ спать и неистовствовалъ день и ночь. Очевидно, его упорство озадачивало даже Ирода (такъ звали смотрителя[1]). Несчастнаго помѣшаннаго тѣмъ не менѣе вязали, а когда онъ особенно долго не умолкалъ, тащили въ карцеръ. Его не признавали больнымъ до 1891 г., когда онъ, наконецъ, впалъ въ идіотизмъ и апатію.

Наконецъ, начали умирать и умирать на глазахъ всѣхъ безъ всякой помощи. Только за нѣсколько дней до смерти умирающимъ давали котлету. Умеръ Малавскій, умирали Буцевичъ и Немоловскій—всѣ въ чахоткѣ. Нѣсколько человѣкъ еле двигались отъ изнуренія, цынги и кровохарканья. Вѣроятно, въ виду такого ужаснаго положенія дѣлъ и изъ опасенія повторенія новыхъ казней послѣ Минакова и Мышкина, рѣшено было дать свиданія человѣкамъ шести[2]), не болѣе. Свиданія продолжались по получасу только 2 раза въ недѣлю. Гуляли же всѣ вообще въ одиночку ежедневно тоже по получасу, хотя часто подъ разными предлогами насъ не пускали на прогулку. Въ число получившихъ эту льготу, къ счастью, вошли менѣе стучавшіе, т. е., въ сущности, наполовину душевно-больные. Дали свиданіе и умирающему Буцевичу, но послѣ двухъ-трехъ разъ онъ долженъ былъ отказаться отъ этого, такъ какъ не могъ уже больше подняться съ постели. Умирая, онъ все жалѣлъ, что не можетъ больше выносить своему товарищу по гулянію двухъ-трехъ кусочковъ сахару. Такъ сильна потребность любить въ душѣ живущаго въ одиночномъ заключеніи; одинъ видъ живого, пони-

---

[1]) Фамилія его Соколовъ. Авт.

[2]) Свиданія другъ съ другомъ по двое во время прогулки. Авт.

мающаго тебя человѣка, приводилъ въ какой-то дѣтскій восторгъ и умиленіе!

Буцевичъ умеръ тихо. Мы слышали, какъ за два дня до смерти входили къ нему, а потомъ все умолкло. Можетъ быть, его унесли умирать въ старую тюрьму.

Вскорѣ умерли еще двое: Немоловскій и Долгушинъ— первый отъ чахотки, второй отъ изнуренія. Они сильно стонали, и ихъ унесли въ старую тюрьму въ агоніи дня за два-три до смерти.

На этотъ разъ уже ясно замѣтили, что уносятъ умирать. Въ старой тюрьмѣ было очень сыро и холодно, да къ тому же эти бѣдняги, полуживые, очнувшись, могли догадываться, для чего ихъ уносили, а умирая, они не могли даже постучать товарищамъ. Нѣкоторые прощались стукомъ со своими сосѣдями за нѣсколько часовъ до смерти.

Въ виду всего этого многіе стали требовать, чтобы умирающихъ „не уносили въ мертвецкую“. Это требованіе было уважено, и Геллиса и С. Златопольскаго, которые тоже скоро умерли, оставили въ новой тюрьмѣ[1]). Они, умирая, страшно стонали.

Страшно вспомнить все это время, въ особенности первые два года нашей шлиссельбургской жизни. Дыханіе смерти носилось въ воздухѣ, и какой смерти—въ полномъ одиночествѣ, когда умирающіе не слышали ни звука дружескаго голоса! Положеніе умирающаго было ужасное; къ нему не входили даже для того, чтобы перемѣнить постель или поднять на парашу. Потомъ, въ лучшія времена, объ этомъ узнали достовѣрно.

Многіе очень часто были увѣрены, что они умираютъ. У чахоточныхъ бывали не разъ кровотеченія, послѣ которыхъ они не могли даже стучать пальцемъ въ кроватъ, а если и стучали, то до того неправильно, что трудно было

---

[1]) Въ сущности, этого не трудно было добиться. Администрація очень боялась всякихъ исторій; и разъ сами заключенные протестовали противъ того, чтобы уносили умирающихъ, то ей ничего не стоило уступить. Авт.

ихъ понять. Не разъ въ такомъ состоянiи они прощались съ товарищами, думая, что уже наступаетъ смерть.

Въ эти два года смертность была ужасная. Постоянно кто-нибудь умиралъ, такъ что получалось впечатлѣнiе ежедневной агонiи. Умирали все больше отъ чахотки. Но даже и не всѣмъ умирающимъ прощались „стукъ“ и „грубость“. Такъ, напр., чахоточному Кобылянскому, который стучалъ и отвѣчалъ на „ты“ смотрителю, такъ и не дали свиданiя, хотя и обѣщали, если будетъ меньше стучать. Онъ, дѣйствительно, сталъ меньше стучать, но въ это время онъ былъ такъ слабъ, что не могъ встать съ постели. Онъ такъ и умеръ съ несбывшейся мечтой обнять товарищей, о чемъ онъ трогательно говорилъ передъ самой смертью, сознавая, что она близка...

Въ сущности, стукъ въ это время уже меньше преслѣдовался: вѣроятно, потеряли надежду добиться абсолютной изолированности сидѣвшихъ, что видно было и изъ того, что начали давать свиданiя. Но жандармы еще пытались дисциплинировать заключенныхъ и потому страшно преслѣдовали всякую „заносчивость“, т. е. чувство собственнаго достоинства, и протестовали, когда заключенные старались „защищать“ слабыхъ и больныхъ, особенно, если это дѣлалось сообща. Съ визгомъ и пѣной у рта Иродъ кричалъ: „Не смѣй говорить о другихъ; не твое дѣло,—нѣтъ здѣсь „другихъ!“

Высшая власть тоже старалась довести всѣхъ насъ до отчаянiя. Ревизiи бывали раза четыре въ годъ. Разъ бывалъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и начальникъ корпуса жандармовъ, разъ—директоръ департамента и раза два начальникъ штаба жандармовъ, иногда бывалъ и прокуроръ. Задавали они намъ вопросы о здоровьѣ, прогулкѣ и т. д. Мы отвѣчали, чтобы только отдѣлаться, зная полную безполезность разговоровъ. Иногда тов. мин. Оржевскiй ввертывалъ словцо о невозможности выхода отсюда или дѣлалъ отдаленный намекъ: „отъ васъ, молъ, многое зависитъ“; впрочемъ, послѣднее онъ дѣлалъ рѣдко.

Насколько безрезультатны были всѣ эти ревизiи, видно,

между прочимъ, изъ того безпомощнаго положенія, въ которомъ продолжали находиться тяжело больные, умирающіе и сумасшедшіе. Въ это время сошелъ съ ума Ювачевъ. На него началъ находить религіозный экстазъ: онъ становился на колѣни, молился на виднѣвшійся крестъ крѣпостной церкви. Вообще, помѣшательство было тихое. Оржевскій, можетъ быть, считая его ханжей, предложилъ ему поступить въ монахи. Ювачевъ отвѣчалъ: „недостоинъ". Этотъ разговоръ слышали сосѣди. Скоро послѣ этого Ювачева увезли неизвѣстно куда [1]).

Арончику, очевидно, предлагали свиданіе, но онъ никогда не выходилъ и на прогулку. Страдая отъ постояннаго заглядыванія въ дверной глазокъ, онъ сталъ прятаться въ углу, чтобы его не было видно, но кончилось тѣмъ, что эти углы задѣлали трехугольными кирпичными столбиками.

Женщины выдержали упорную борьбу съ Иродомъ. Каждую субботу онъ приводилъ къ нимъ въ камеру женщину для обыска. Эти обыски—ужасная вещь: они безсмысленны, грубы до цинизма и мучительны. Во время обыска Иродъ, безъ всякаго стѣсненія, слѣдилъ въ глазокъ за происходившимъ въ камерѣ. Когда женщины замѣтили это и подняли крикъ, Иродъ отвѣтилъ: „что же, не видали мы голыхъ женщинъ,—вотъ пустяки выдумали!"

Въ общемъ, съ женщинами обращались лучше, чѣмъ съ мужчинами. Ихъ не вязали, не били; иногда только, въ случаѣ столкновеній съ начальствомъ, „нечаянно" толкали и отправляли въ карцеръ. Съ ними были менѣе грубы,—вѣрнѣе, рѣже грубы. Очевидно, хотѣли сохранить ихъ въ живыхъ. Когда одна заболѣла, ее лѣчили и кормили усердно, хотя ухода никакого не было; между тѣмъ у нея былъ бредъ и она въ теченіе трехъ недѣль не могла встать безъ посторонней помощи. Никто къ ней никогда не входилъ, кромѣ времени раздачи пищи или обыска.

Койки женщинамъ отпустили черезъ годъ; впрочемъ, къ

[1]) Теперь Ювачевъ на свободѣ.

этому времени пользовались той же льготой уже многіе изъ сидѣвшихъ, вслѣдствіе страшной смертности среди заключенныхъ.

Больше всего насъ раздражалъ въ это время вопросъ о свиданіяхъ. Многимъ рѣшительно отказывали видѣться съ кѣмъ-либо — даже умирающимъ, какъ сказано выше. Положеніе было ужасное: книгъ не было почти никакихъ, кромѣ духовно-нравственнаго содержанія или такихъ, какъ исторія Греціи Геллиса, напечатанная еще старымъ шрифтомъ,—это еще была одна изъ самыхъ лучшихъ книгъ; были какія-то путешествія по святымъ мѣстамъ и т. д., все въ томъ же родѣ. Работы не было никакой; писать, конечно, не позволяли. Многіе сочиняли стихи и тутъ же царапали ихъ на стѣнахъ, но жандармы соскабливали ихъ съ грубыми замѣчаніями. Одно, что спасало отъ сумасшествія, это — стукъ, но чего онъ стоилъ? Многимъ жизни или — опять-таки сумасшествія.

Нужно испытать самому одиночное заключеніе, чтобы понять весь ужасъ его для живого человѣка. Это — самое варварское наказаніе, равное пыткѣ. Увы! Какъ мало понимаетъ это масса даже просвѣщенныхъ націй! Бываетъ, что человѣкъ перенесетъ заключеніе въ карцерѣ или пробудетъ нѣкоторое время въ полусвободномъ одиночествѣ въ больницѣ,—и съ какимъ отвращеніемъ онъ говоритъ потомъ объ этомъ! Почему же забываютъ про одиночное заключеніе въ тюрьмѣ, гдѣ многіе годы приходится жить въ гробу? Впрочемъ, можетъ быть, начинаютъ сознавать это; по крайней мѣрѣ, въ уголовныхъ тюрьмахъ одиночное заключеніе ограничено полутора годами и засчитывается два дня за три. Если не ошибаюсь, этотъ законъ распространяется и на жизнь въ крѣпостяхъ. Кромѣ того, кажется, и здѣсь существуетъ ограниченный срокъ одиночнаго заключенія (чуть ли не треть срока, послѣ чего должны помѣщать въ лучшія условія). Нѣкоторые изъ нашихъ товарищей юристовъ какъ-то спросили объ этомъ одного чиновника изъ прокуратуры, который слишкомъ уже настаивалъ на законности содержа-

нія. На ихъ вопросъ онъ отвѣтилъ, что для Шлиссельбурга есть свои законы. Такъ и оказалось на самомъ дѣлѣ.

Но буду продолжать.

Вспоминаю я теперь и удивляюсь, съ какой страстностью добивались свиданій: вѣдь всего только по получасу два раза въ недѣлю! Можно ли эти свиданія назвать смягченіемъ одиночнаго заключенія? Да, несомнѣнно. Надо знать, что значитъ не слышать дружескаго голоса, не видѣть понимающаго тебя человѣка, не имѣть возможности обмѣняться чувствами, мыслями по-людски. Вѣдь, стукъ только соломинка, за которую хватаешься съ отчаянія, и надолго этого утѣшенія не хватило бы.

Пробовало наше начальство разрѣшать свиданія, смотря по поведенію заключенныхъ, но эта система встрѣтила энергичный протестъ. Всѣ гулявшіе вдвоемъ отказались отъ такихъ свиданій, говоря, что „безнравственно быть сытымъ среди голодныхъ". Начальство, конечно, озлилось, но его пугала солидарность, а главное, оно смущено было громадной цифрой погибающихъ,—вѣдь это была слишкомъ явная улика, въ какомъ положеніи содержатъ заключенныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости.

Въ это время умеръ Исаевъ отъ легочной болѣзни; онъ страшно стоналъ и икалъ въ агоніи и, кажется, умеръ въ безсознательномъ состояніи. Скоро умеръ сидѣвшій рядомъ съ нимъ Игнатій Ивановъ. Отъ него трудно было узнать, что съ нимъ; однако, въ ночь передъ смертью онъ простился стукомъ съ сосѣдями.

Блгодаря свиданіямъ, сдѣлалось возможнымъ завязать спошенія между разобщенными частями тюрьмы. Теперь, когда свиданія прекратились, стуки усилились; стали разговаривать черезъ коридоръ. Иродъ не набрасывался на стучавшихъ такъ свирѣпо, какъ прежде, но зато съ большей энергіей, чѣмъ когда-либо, старался разобщить стакнувшихся по вопросу о свиданіяхъ, потому что такое коллективное рѣшеніе заключенныхъ въ корнѣ подрывало систему полнаго разобщенія. Нѣсколькихъ человѣкъ отсадили въ старую

тюрьму и продержали ихъ въ старомъ, сыромъ зданіи шесть мѣсяцевъ, а между ними были и больные. Уводимыхъ продолжали толкать и „мять“, хотя бы они и шли добровольно. Нѣкоторые изъ заключенныхъ настояли, чтобы и ихъ перевели въ старую тюрьму, чтобы не оставить своихъ товарищей совсѣмъ одинокими, и, кромѣ того, они разсчитывали, что начальство все-же побоится большаго количества арестантовъ.

Въ это время Грачевскій, сидѣвшій въ старой тюрьмѣ, заявилъ своимъ сосѣдямъ [1]), что не можетъ долѣе выносить существующихъ условій жизни и потому рѣшилъ ударить доктора, чтобы этимъ путемъ добиться казни. Собственно, доктору доставалось больше, чѣмъ Ироду, потому что къ нему былъ болѣе легкій доступъ, между тѣмъ какъ Иродъ стоялъ всегда за спиной жандармовъ. Бросить же въ него ничего нельзя было, потому что послѣ исторіи Мышкина посуду больше не оставляли въ камерѣ.

Грачевскій исполнилъ свое намѣреніе и требовалъ при этомъ казни. Это было уже въ 88 году. Начальство переполошилось, но рѣшило не предавать дѣло огласкѣ. Явился комендантъ и сказалъ, что сумасшедшихъ не судятъ. Тогда Грачевскій заявилъ, что, если его не казнятъ, то онъ все равно покончитъ съ собой. Его перевели въ старую тюрьму, посадили въ болѣе изолированную камеру (№ 10) и усилили надъ нимъ надзоръ. Въ теченіе двухъ недѣль сосѣди слышали, какъ онъ говорилъ съ жандармами и требовалъ казни, но говорилъ онъ спокойно, и, можетъ быть, потому начальство не особенно боялось его угрозы покончить съ собой самоубійствомъ. Замѣтивъ, что разговоры Грачевскаго слышны сосѣдямъ, его перевели въ смежную камеру (№ 9), выходившую въ глухой коридорчикъ, отдѣлявшій камеру № 9 отъ № 10.

Вдругъ разъ вечеромъ раздался крикъ—ужасный, нечеловѣческій, но короткій. Вслѣдъ за этимъ суматоха, глухое

[1]) Мы узнали это впослѣдствіи. Авт.

треніе и колебаніе проволоки, проведенной къ звонку въ коридоръ къ вахмистру; послышались растерявшіеся голоса всегда безмолвныхъ дежурныхъ унтеръ-офицеровъ и, наконецъ, запахъ гари и дыма, проникшаго и въ камеры. Послышались легкіе стоны, потомъ поспѣшно открываемыя двери, голоса доктора и смотрителя. Трудно было разобрать сразу, въ чемъ дѣло, но было несомнѣнно, что съ Грачевскимъ случилось что-то ужасное. На другой день къ нему не заходили съ пищей. Ясно было, что онъ сжегъ себя. Послѣ оказалось, что онъ облилъ себя керосиномъ. Умеръ же, очевидно, черезъ нѣсколько минутъ, какъ слабые стоны продолжались минуты двѣ—три. Смотритель и докторъ скоро ушли, и въ тюрьмѣ водворилась обычная тишина; только дымъ и гарь платья и чего-то органическаго оставались до слѣдующаго дня. На второй и третій день послѣ этого событія камеры обходилъ начальникъ штаба Петровъ, а вслѣдъ за тѣмъ Иродъ исчезъ, и на его мѣсто назначили другого смотрителя.

Скажу, наконецъ, нѣсколько подробнѣе объ Иродѣ, хотя и сказанное достаточно характеризуетъ его. Біографію его мы узнали послѣ того, какъ онъ оставилъ тюрьму.

Онъ выкрестившійся еврей и выслужился изъ солдатъ въ офицеры. До 1884 года онъ былъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ; и тамъ, и въ Шлиссельбургской крѣпости онъ больше всего отличался поразительной страстностью въ исполненіи своихъ обязанностей. Какъ зорко, какъ лихорадочно онъ слѣдилъ за всякой мелочью, которую исполняли, по его распоряженію, унтеръ-офицеры! Распредѣляютъ бѣлье для арестантовъ, — онъ съ замѣчательной тщательностью пересмотритъ каждую вещь и переложитъ ее на другое мѣсто. Раздаютъ заключеннымъ пищу, — онъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ смотритъ, какъ и куда ставятъ. День и ночь онъ проводилъ въ коридорахъ—даже въ праздники. Разъ въ утро Пасхи, на разсвѣтѣ, часовъ въ пять, мы начали стучать, еще лежа въ постели, надѣясь, что въ такой день не станутъ колотить въ дверь, дѣлать замѣчанія и пр. Какъ

вдругъ — даже теперь не могу спокойно вспомнить объ этомъ—врывается Иродъ съ толпой унтеръ-офицеровъ и кричитъ не своимъ голосомъ: „И въ праздникъ они безобразничаютъ! Перестанете ли когда-нибудь?“

Былъ онъ большой любитель тиранить заключеннаго, и сколько это ему доставляло удовольствія! Такъ, напр., выберетъ умышленно Рождество, чтобы дать арестантамъ новое, немытое бѣлье- очень грубое и колючее, а потомъ съ сіяющимъ видомъ спрашиваетъ: „что, колетъ?“ Между тѣмъ онъ могъ бы повременить, потому что старое бѣлье не бросалось, а послѣ донашивалось. Вообще же, онъ былъ чрезвычайно неразвитой человѣкъ и умственно, и нравственно.

Послѣ смерти Грачевскаго ему такъ досталось отъ Петрова здѣсь же въ тюрьмѣ, что его хватилъ параличъ. Потомъ онъ поправился, но уже больше не служилъ и жилъ, получая пенсію. По временамъ, встрѣчая шлиссельбургскихъ унтеръ-офицеровъ, бывшихъ подчиненныхъ, онъ очень любилъ вспоминать съ ними о быломъ; тѣ же по старому чувствовали къ нему почтеніе и страхъ. Оказалось, что онъ и ихъ содержалъ въ очень строгой субординаціи. Жили они на Шлиссельбургскомъ островѣ, какъ ссыльные; въ городъ ихъ пускали не болѣе раза въ недѣлю на очень короткое время. Пищу имъ приносили къ воротамъ крѣпости, къ нимъ же не допускали никого. Замѣтьте, что все это были испытанные служаки, а большинство изъ нихъ служили еще въ равелинѣ. Терпѣли они такую жизнь ради двойного жалованья, которое полагалось и всѣмъ остальнымъ служащимъ въ Шлиссельбургѣ; не даромъ же они хвастали, что крѣпость обходится въ годъ десятки тысячъ. Всей стражи было не менѣе 40 человѣкъ. Но зачѣмъ такія предосторожности противъ людей, сидящихъ въ одиночномъ заключеніи, подъ нѣсколькими замками, безъ малѣйшихъ сношеній съ кѣмъ-либо, кромѣ Ирода? Къ самой крѣпости, т. е. къ острову, часовые тоже никого не подпускали близко. Кромѣ того, въ распоряженіи завѣдующаго крѣпостью находилась цѣлая рота солдатъ въ казармахъ и кордегардіи.

II.

Съ уходомъ Ирода жить въ крѣпости стало лучше.

Вѣроятно, страшная смерть Грачевскаго, необычайная смертность, большое число больныхъ, разслабленныхъ, наконецъ нѣсколько сумасшедшихъ произвели нѣкоторое впечатлѣніе на высшія сферы, и тамъ рѣшили измѣнить свою политику по отношенію къ Шлиссельбургу. Въ послѣдній свой пріѣздъ Петровъ, обходя всѣхъ заключенныхъ, настойчиво просилъ ихъ не отмалчиваться, „какъ всегда", и сказать, что именно было для нихъ особенно тяжелымъ. Какъ бы то ни было, съ этого времени наши тюремщики стали осторожнѣе; новый смотритель обращался съ заключенными вѣжливо и старался не раздражать ихъ.

Первой уступкой со стороны администраціи было то, что она замяла дѣло о протестѣ, который мы подняли съ цѣлью добиться возвращенія товарищей, посаженныхъ въ старую тюрьму (они тамъ просидѣли 6 мѣсяцевъ), или хотя бы свѣдѣній о нихъ. Всѣ догадывались, что тамъ что-то случилось, потому что послѣ смерти Грачевскаго сейчасъ же во всѣхъ камерахъ передѣлали лампы и стали запирать ихъ на замокъ. Такого рода перемѣны обыкновенно производились всегда послѣ какихъ-либо катастрофъ; напримѣръ, послѣ смерти повѣсившагося Клименко во всѣхъ камерахъ отбили задвижки.

Волненіе среди заключенныхъ росло; всѣ по уговору начали кричать, стучать и требовать, чтобы всѣхъ перевели въ старую тюрьму или вернули бы къ намъ посаженныхъ туда. Смотритель сейчасъ же поторопился „успокоить" насъ, заявивши, что переводъ уже былъ рѣшенъ раньше. Правда, это отступленіе ему сдѣлать было очень удобно, такъ какъ тогда привезли нѣсколько новыхъ заключенныхъ, и старая тюрьма понадобилась для изолированія этихъ, вновь прибывшихъ. Но ихъ держали тамъ не долго.

Затѣмъ намъ были обѣщаны книги по исторіи, правда,— не далѣе XVIII вѣка, но все же эти книги, конечно, лучше прежнихъ. До тѣхъ поръ намъ давали книги, относящіяся лишь къ древнимъ и среднимъ вѣкамъ; учебники же и раньше разрѣшали какіе угодно. Пока же были присланы эти книги (для полученія ихъ нужно было оффиціальное разрѣшеніе), предложили намъ взять, безъ особенной строгости въ выборѣ, книги, привезенныя съ собой нѣкоторыми изъ насъ.

Къ этому времени относится также отмѣна субботнихъ обысковъ, которые были такъ оскорбительны и мучительны своей безсмысленностью и грубостью. Стали съ большей легкостью разрѣшать больничную пищу, увеличили прогулки. Скоро всѣ гуляли уже по-двое. Впрочемъ, нѣкоторыя улучшенія были сдѣланы и раньше, но такимъ торгашескимъ способомъ, что они вызывали только отвращеніе. Такъ, годъ тому назадъ, еще при Иродѣ, устроили занятія въ огородахъ, но при этомъ обставили все дѣло такимъ образомъ, что эти работы не доставляли совсѣмъ удовольствія. Женщинамъ дали вышиваніе въ пяльцахъ, но это скоро имъ надоѣло.

Вскорѣ послѣ посѣщенія Петрова одинъ изъ заключенныхъ сдѣлалъ неожиданное открытіе, доставившее всѣмъ много радостей: онъ указалъ на возможность переговариваться черезъ трубы клозетовъ, соединявшія нѣсколько камеръ вверху и внизу. Удержаться отъ такого „клуба“ было бы сверхъ силъ человѣческихъ, и вотъ у насъ появляются на сцену „телефоны“, какъ мы ихъ называли. Жандармы боялись вступить въ борьбу съ нами; они, какъ (увы, ошибочно!) тогда намъ казалось, молча рѣшились терпѣть наши клубы.

Мы же засѣдали въ клубѣ по нѣскольку часовъ и оживали въ бесѣдахъ другъ съ другомъ. Начались даже совмѣстныя чтенія: то чего-нибудь изъ новой жизни на волѣ по составленнымъ замѣткамъ недавно прибывшихъ, то изъ здѣшней жизни. Вотъ уже годъ, какъ намъ давали тетрадки, отбирая ихъ ежедневно по вечерамъ на просмотръ. Многіе писали стихи и часто смѣялись въ нихъ сквозь слезы, вспоминая факты изъ эпохи Ирода; высказывались взгляды на не-

давнюю нашу дѣятельность на волѣ, на будущее партій и шансы на конституцію и пр. Все это приходилось выкрикивать, такъ какъ иначе невозможно было говорить.

Между тѣмъ въ это время у Варынскаго и Богдановича была чахотка въ послѣднемъ градусѣ. Варынскій умолялъ не отгонять его отъ „телефона", потому что лучше было умереть въ 10 разъ скорѣе, но чувствуя близость товарищей, чѣмъ въ полномъ одиночествѣ. Богдановичъ же скоро не въ силахъ былъ вычерпывать воду, чтобы сказать хоть одно слово. Въ обыкновенное время трубы бывали наполнены водой, и тогда нельзя было говорить черезъ нихъ.

Въ теченіе 4 мѣсяцевъ мы жили дружно одной семьей. Какого же было наше удивленіе, когда вдругъ явился Шебеко [1]) и разразился оскорбленіями и бранью. Отъ высокопоставленныхъ лицъ намъ не приходилось встрѣчать такого къ себѣ отношенія. Оффиціальнымъ предлогомъ его гнѣва (можетъ быть, на половину и на самомъ дѣлѣ это было причиной) послужили замѣтки въ штрафныхъ журналахъ. Оказалось, что велась книга живота по поводу нашихъ клубныхъ бесѣдъ. Шебеко врывался по очереди въ каждую камеру и выпаливалъ: „Цареубійцы, а спятъ на мягкихъ тюфякахъ. Повѣсить бы всѣхъ, а они разсуждаютъ, бунтуютъ!"—„Полковникъ, — плети и плети!.. Слышите?" Быстро захлопывая дверь и перебѣгая отъ одного заключеннаго къ другому, онъ набрасывался иногда съ такими словами: „Что за дерзкая физіономія! Кто это?"—„А, вы недавно въ карцерѣ были; вы отвратительно себя ведете. Вѣдь за это и розги есть!"— и опять стремился далѣе. Наконецъ, крикъ смолкъ, и у послѣднихъ камеръ онъ уже говорилъ тономъ оскорбленнаго человѣка. Тюрьма была поражена, и почти никто не успѣлъ сколько-нибудь внушительно отвѣтить Шебеко.

Послѣ его посѣщенія у насъ сейчасъ же отняли всѣ книги, выданныя изъ привезенныхъ заключенными съ собой.

---

[1]) Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и начальникъ корпуса жандармовъ. Авт.

Собравшись вечеромъ въ клубѣ и сообщая другъ другу всѣ подробности этого дня, мы не знали, о чемъ и говорить. Въ первый разъ со времени открытія клубовъ всѣ почувствовали себя на краю пропасти, и ничто насъ не радовало. Объ оскорбленіи и угрозахъ избѣгали говорить, и, вѣроятно, многіе тогда затаили въ себѣ мрачныя мысли. Совѣщались больше о будущемъ, которое сулило это посѣщеніе, и объ отобранныхъ книгахъ. Всѣ очень боялись, что запретятъ клубы.

Въ это время пришлось пережить агонію Богдановича. Хлопотали о разрѣшеніи впустить къ нему кого-нибудь, чтобы облегчить ему страданія и проститься съ нимъ, но въ этомъ намъ отказали. Настроеніе у всѣхъ было такое тяжелое, что рѣшено было всѣмъ голодать и требовать книгъ. Это было въ концѣ 1888 или въ началѣ 1889 года.

Въ первые дни голодовки еще говорили черезъ трубы, но на четвертый или пятый день рѣшили прекратить разговоры, чтобы не тратить лишнихъ силъ; къ тому же во время мученій отъ голода трудно было бы не говорить о своихъ страданіяхъ. По-моему, самые мучительные дни были третій, четвертый и пятый. Далѣе стало легче переносить голодъ, но чувствовалась такая слабость, что невозможно было держаться па ногахъ. До конца голодовки сносились другъ съ другомъ только стукомъ. На девятый день у нѣкоторыхъ появился кашель, а слабость еще болѣе усилилась. Администрація держала себя въ сторонѣ, молчала и относилась какъ бы безразлично. Пріѣзжалъ Петровъ, но ни къ кому не заходилъ.

Ранѣе начала голодовки не сговорились, чѣмъ кончить дѣло. Нѣкоторые стали предлагать прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, но большинство было противъ этого. Вслѣдствіе безукоризненнаго поведенія администраціи, намъ казалось, что выходка Шебеко объяснялась его собственными побужденіями, и рѣшили, что не слѣдуетъ вымѣщать свое негодованіе на мѣстной власти, по крайней мѣрѣ, пока она сама не подастъ къ этому повода, а потому на десятый день рѣшили сдаться и начали ѣсть.

Думаю, что въ другое время дѣло кончилось бы чѣмъ-

нибудь серьезнымъ, но на этотъ разъ спасло всѣхъ тактическое поведеніе администраціи, которая не бросила ни одной искры въ эти возбужденные дни. Кромѣ того, такое поведеніе заставляло все больше думать, что имѣть дѣло нужно съ самимъ Шебеко.

Чтобы покончить исторію съ Шебеко, скажу теперь же, что онъ болѣе не заходилъ ни къ кому въ камеру во время своихъ пріѣздовъ въ слѣдующій годъ (онъ былъ у насъ раза два), а послѣ и совсѣмъ не пріѣзжалъ. Разъ только, сопровождая министра внутреннихъ дѣлъ Дурново, онъ зашелъ вслѣдъ за нимъ въ одну камеру со словами: „ваша матушка"...; но кончить ему не дали, заявивъ, что отъ него не хотятъ слышать даже о матушкѣ. Онъ былъ сконфуженъ и молча вышелъ.

Послѣ голодовки—недѣли черезъ двѣ—прочли всѣмъ намъ бумагу изъ Департамента полиціи, что деньги, книги и вещи, находящіяся въ „спискахъ" заключенныхъ въ Шлиссельбургской крѣпости, отправляютъ ихъ роднымъ. Это былъ отвѣтъ на голодовку.

Скоро насъ постигъ тяжелый, почти неожиданный ударъ: „телефоны" внезапно перестали дѣйствовать—нельзя было болѣе разговаривать, такъ какъ вода изъ трубъ не уходила, сколько бы ее ни вычерпывали... Оказалось, что ихъ задѣлали какъ-то съ подвала.—Нашъ клубъ существовалъ мѣсяцевъ 6, и теперь мы снова погрузились въ мракъ одиночнаго заключенія. Тѣ же стѣны показались намъ снова чужими, невыносимыми... Сносить долѣе одиночество не было уже силъ. Просидѣвъ лѣтъ пять—шесть вмѣстѣ, многіе ни разу не говорили другъ съ другомъ, такъ какъ свиданія давали по назначенію смотрителя и рѣдко мѣняли. Женщины же совсѣмъ никого не видали,—такъ же, какъ и ихъ никто не видалъ.—Нервы были въ такомъ состояніи, что молча терпѣть не было болѣе силъ.

Послѣ голодовки многіе расхворались, хотя, быть можетъ, причиной болѣзней была не одна голодовка, а и то, что къ намъ проникла инфлуэнца. Во время существованія клуба общій подъемъ духа былъ настолько силенъ, что нездоровье

или не замѣчалось, или не такъ сильно чувствовалось. Теперь все измѣнилось, мрачность значительно усилилась,—и у насъ опять началась ежедневная война. Прежде всего стали лазить на окна, чтобы увидѣть гуляющихъ на дворѣ товарищей. За этимъ, конечно, послѣдовали наказанія, хотя и не въ той грубой формѣ, какъ прежде: въ большинствѣ случаевъ лишали прогулокъ. Произошла было одна исторія, которая едва не дошла до суда, но администрація рѣшила замять ее.

Администрація часто заводила съ нами миролюбивые разговоры на тему о томъ: „зачѣмъ, молъ, вы хотите добиваться всего силой? вотъ вы голодали,—въ результатѣ много больныхъ. Теперь хотите силой получить свиданія. Лучше бы вы заявляли и просили“. Но съ этимъ никто не соглашался: просить никто не хотѣлъ.

Бывали рѣзкія столкновенія по поводу больныхъ; требовали, чтобы всѣмъ, а не только нѣкоторымъ, давали больничную пищу. Такъ, напримѣръ, Буцинскій, умершій черезъ два года отъ рака желудка, а въ то время страдавшій отъ ужасныхъ болей, ѣлъ то же, что и здоровые, т. е. борщъ, кашу и черный хлѣбъ. Многіе отказывались получать улучшенную пищу, если не дадутъ болѣе нуждающимся. Скоро умеръ Арончикъ въ прогрессивномъ параличѣ; скончался онъ такъ же тихо, какъ и жилъ всѣ шесть лѣтъ, не выходя ни разу изъ своей камеры... Варынскій былъ очень плохъ: у него послѣ голодовки начались кровотеченія изъ горла. Сергѣй Ивановъ чуть не умеръ отъ сильнѣйшихъ кровотеченій. Мы требовали къ нему доктора, даже по ночамъ стуча въ дверь и настаивая на этомъ. Докторъ приходилъ. Звали его Нарышкинымъ. Это былъ лѣнивый, безпечный, равнодушный ко всему толстякъ; однако, его можно было расшевелить, и тогда онъ кое-что дѣлалъ. У Морозова тоже были сильныя кровотеченія. Цынга въ слабой степени не переводилась у заключенныхъ никогда, о катаррахъ желудка и говорить нечего.

Въ это же время сильно взволновало всѣхъ одно событіе. Въ Шлиссельбургской крѣпости былъ осужденъ Логов-

ской, административно осужденный. Онъ уже кончалъ срокъ, когда его привезли въ Шлиссельбургскую крѣпость, комендантъ прочиталъ ему бумагу о назначеніи пятилѣтняго срока, и, дѣйствительно, въ день окончанія срока къ Логовскому пришли съ бумагой, но... прочли о новомъ пятилѣтнемъ срокѣ... Держали же его все время на положеніи каторжника съ той только разницей, что позволяли носить собственное платье; но такъ какъ свиданій съ родными не давали, то и этой льготой онъ не могъ воспользоваться.

Между тѣмъ Варынскому становилось все хуже. Пищу больничную ему давали давно и лѣчили, но ясно было, что жить ему осталось недолго. Его ужасный кашель раздавался на всю тюрьму. Единственной уступкой, которой добились: было позволеніе одному изъ его друзей перейти въ камеру рядомъ съ его камерой, о чемъ такъ тщетно хлопотали для Юрія Богдановича. Выходить онъ уже не могъ, а потому ему доставляло радость хоть бы постучать близкому человѣку. Это было очень легко, такъ какъ даже ударъ пальцемъ въ стѣну былъ слышенъ въ сосѣдней комнатѣ. Умеръ Варынскій часовъ въ 10 утра, а часовъ въ 8 еще поздоровался по обыкновенію со всѣми сосѣдями наверху и внизу...

Лишенные клуба, мы стали теперь отыскивать какихъ-нибудь способовъ для общенія другъ съ другомъ. Мы уже давно замѣтили во время прогулокъ щели въ заборахъ и стали пользоваться ими для передачи больнымъ разныхъ самодѣльныхъ сластей. Сахаръ трудно проходилъ, поэтому дѣлали изъ него сосульки, накапывая его на бумажку. Другіе изощрялись—конечно, главнымъ образомъ, женщины - дѣлать тянучки изъ молока съ сахаромъ. Приходилось простаивать часа по 3—4, поднявъ руки надъ лампой, чтобы выпарить молоко до густоты. Кто-то изъ „кондитеровъ“ ухитрился дѣлать конфеты изъ рѣпы. Всѣ эти угощенія предназначались для больныхъ, чтобы доставить имъ удовольствіе. Ихъ закапывали часто въ грядахъ, во время работы въ огородахъ. Но скоро жандармы замѣтили нашу хитрость и раза 2—3 обыскивали огородъ и торжественно вытаскивали кро-

шечные свертки этихъ жалкихъ лакомствъ... Впрочемъ, у нихъ не хватило духа строго взыскивать съ насъ за это преступленіе, и они только сказали, что такъ дѣлать нельзя. На вышкѣ, съ которой наблюдали за гулявшими и работавшими въ огородахъ, стали слѣдить гораздо внимательнѣе не отходя ни на шагъ въ сторону, чего раньше не дѣлали. Щелей же нѣкоторое время еще не замѣчали, а между тѣмъ онѣ были гораздо важнѣе для насъ, потому что черезъ нихъ можно было видѣть гуляющихъ сосѣдей. Помню, какимъ оживленнымъ и румянымъ показался мнѣ Варынскій мѣсяца за два до смерти. Это были его послѣдніе жизненные порывы.

Однако и щели скоро замѣтили, несмотря на самое осторожное пользованіе ими; ихъ стали забивать. Это страшно взволновало насъ. Началась борьба. Мы срывали планки и при этомъ еще громко говорили другъ съ другомъ. Насъ уводили въ камеры, но это только озлобляло всѣхъ. Стали кричать черезъ заборы, а нѣкоторые даже лазили на нихъ.

Администрація пробовала убѣждать насъ, но такъ какъ это не дѣйствовало, то она рѣшила сама пойти на уступки. Обѣщали намъ свиданія по вечерамъ, книги и мастерскія. Вѣрить этому, конечно, было трудно, но все же ясно было, что доля правды во всемъ должна быть, и что, вѣроятно, рѣшили вообще нѣсколько улучшить наше положеніе. Тѣмъ болѣе, что и теперь были умирающіе и много больныхъ, а позади цѣлая толпа погибшихъ—20 человѣкъ за 6 лѣтъ! Вѣроятно, въ это время жандармы знали уже о сумашествіи Коношевича, въ чемъ мы еще сомнѣвались.

Но во всякомъ случаѣ, женщины знали, что имъ не разрѣшатъ иныхъ свиданій, кромѣ какъ другъ съ другомъ; гуляли же онѣ такъ уже пять лѣтъ, и потребность видѣть новыхъ людей была у нихъ особенно сильна.

Наши надежды, дѣйствительно, сбылись. Начальство согласилось прорѣзать щели въ заборахъ. Правда, и здѣсь не обошлось безъ борьбы—изъ за величины щелей. Сначала продѣлали отверстія въ полтора дюйма высоты, такъ что приходилось страшно щуриться, чтобъ видѣть другъ друга. Че-

резъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ замѣнили окошечками, но такихъ размѣровъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не пролѣзла голова. Наконецъ, спустя десять мѣсяцевъ послѣ голодовки, мы дождались и книгъ. Намъ привезли довольно много сочиненій по исторіи—Шлоссера, Соловьева, Костомарова, но всѣ эти сочиненія касались событій лишь до XVIII вѣка. Привезли много учебниковъ по естественнымъ наукамъ (хотя безъ всякой системы), а также для изученія языковъ, всѣ томы Реклю, путешествія Ливингстона, Стэнли и т. п. Беллетристику находили вредной и не давали намъ. Не могли мы получать и журналовъ, даже за старые годы.

Этого рода уступчивость администраціи распространилась и на больныхъ: за ними стали позволять ухаживать. Въ это время всѣмъ стало извѣстно о помѣшательствѣ Коношевича. Помѣшательство его было тихое, хотя по временамъ онъ сердился на то, что его не называютъ Коношевичъ-Сагайдачный, потомкомъ котораго онъ началъ считать себя. Когда онъ слишкомъ надоѣдалъ администраціи требованіями разныхъ мелочей, его уводили въ старую тюрьму, но потомъ перестали уводить его, когда мы упрекнули въ этомъ доктора. Коношевичъ все время составлялъ какіе-то летательные снаряды, дѣлалъ изысканія о гипнотизмѣ. Онъ еще въ Петропавловской крѣпости до суда страдалъ галлюцинаціями, думая, что его хотятъ загипнотизировать и все вывѣдать, но потомъ выздоровѣлъ и до 1889 года былъ здоровъ. Послѣ онъ сталъ писать какое-то сочиненіе съ цѣлью осчастливить весь міръ. Почти одновременно съ нимъ заболѣлъ душевно еще одинъ, впослѣдствіи вполнѣ оправившійся.

III.

Приблизительно съ 90-го года начинается новый періодъ жизни въ Шлиссельбургской крѣпости. Можно было думать, что начальству надоѣла вѣчная борьба съ заключенными. Оно убѣдилось, какъ дурна тюремная система, когда условія содержанія заключенныхъ зависятъ отъ ихъ „просьбъ и заявленій", и почувствовало необходимость ввести обязательныя для всѣхъ правила.

Въ это время въ нашу крѣпость былъ назначенъ комендантомъ Гангартъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до своего назначенія онъ былъ у насъ въ качествѣ исправляющаго должность коменданта и въ это время старался ознакомиться съ нашими нуждами и съ причинами неудовольствій и волненій. Онъ нѣсколько разъ предполагалъ хлопотать о такой системѣ, при которой не о чемъ было бы спорить, по крайней мѣрѣ, въ вопросахъ ежедневнаго обихода. Такъ, напр., хотя въ то время пищу намъ увеличили, но дѣлали это для каждаго въ отдѣльности по его заявленію,—значитъ, не въ силу общихъ правилъ, а по желанію начальства; при этомъ каждый изъ насъ рисковалъ, что больничныхъ суммъ не хватитъ на всѣхъ. Комендантъ хлопоталъ объ увеличеніи продовольственнаго содержанія,—если не ошибаюсь съ 12 на 22 коп. въ день, полагая такую пищу необходимой для всѣхъ. То же самое онъ дѣлалъ и въ другихъ случаяхъ. По всей вѣроятности, по представленію Гангарта, Департаментъ полиціи снабдилъ его инструкціей новаго режима для заключенныхъ, при чемъ въ основу ея были положены его наблюденія въ бытность его исправляющимъ должность коменданта.

Такимъ образомъ мы постепенно получили слѣдующія реформы:

1) Ввели свиданія въ камерахъ (по-двое), и этимъ разрѣшили сильно наболѣвшій вопросъ—возможность для больного имѣть товарища въ самое тяжелое для человѣка время.

Но какъ страшно поздно дали это разрѣшеніе! Въ это время, кромѣ самоубійцъ и казненныхъ, умерло уже человѣкъ 14,— и всѣ они были въ полномъ одиночествѣ и совершенно безпомощны. Но и въ это время были больные, которые не могли во всякое время выходить на прогулку и потому особенно нуждались въ посѣщеніи ихъ товарищами.

2) Устроили мастерскія, гдѣ работало по 2 человѣка часа 3 въ день. Здѣсь тоже хотѣли было устроить работы на прежней льготной системѣ, т. е. давать не всѣмъ, а по усмотрѣнію начальства, но комендантъ воспротивился, сказавъ, что это значило бы подорвать всю его систему. Всѣмъ такъ опротивѣли эти „награжденія“ и „наказанія“, что все похожее на нихъ отталкивалось съ отвращеніемъ и предпочитали или совсѣмъ отказываться, или брать съ бою; а разъ стали бы мы отказываться отъ работъ и пр., снова возникли бы у насъ боевыя отношенія съ администраціей.

3) Такъ какъ мы выражали неудовольствіе, что книги слишкомъ стары, то намъ обѣщали хлопотать о томъ, чтобы намъ самимъ разрѣшали представлять списокъ желательныхъ книгъ [1]). Мы писали раза два—три, прося извѣстныя книги, но намъ рѣдко присылали то, что мы хотѣли. Впрочемъ, разрѣшавшіе намъ книги не столько были строги, сколько безтолковы. Напр., высылали 2 раза по 18 т. Соловьева, 2 раза по 8 т. Шлоссера и т. д.; чуть не четверть книгъ была въ двойныхъ экземплярахъ,—очевидно тѣ, отъ которыхъ зависѣла посылка намъ книгъ, не трудились заглядывать въ списокъ высылаемыхъ и каталогъ существующихъ у насъ книгъ. Беллетристику намъ разрѣшили, но журналовъ не давали даже за старые годы. Къ счастью, случилось такъ, что мы получили то, чего формально мы не могли имѣть. Мѣстнымъ шлиссельбургскимъ служащимъ позволили давать намъ книги для переплета. Переплетныя мастерскія поэтому процвѣтали;

---

[1]) Департаментъ ассигнуетъ теперь на пополненіе тюремной библіотеки по 130—140 руб. въ годъ. Авт.

эти работы стали скоро обязательны для всѣхъ годныхъ къ этому. Бѣда только заключалась въ томъ, что давали для переплета массу хлама, совершенно непригоднаго для чтенія, вродѣ библіи и другихъ духовныхъ книгъ, гадальниковъ, глупѣйшихъ романовъ; иногда попадались журналы за одинъ и тотъ же годъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, но журналы были самые неинтересные—военные, иллюстрированные, „Русскій Вѣстникъ". Лучшими были „Вѣстникъ Европы" и „Сѣверный Вѣстникъ",—всѣ журналы были, конечно, только за старые годы. Изъ новыхъ журналовъ мы получали лишь иностранные—французскіе и англійскіе,—конечно, пустенькіе. Иногда попадалась намъ „Нива" и нѣкоторые спеціальные журналы: „Хозяинъ", „Врачъ" и „Фельдшеръ".

4) Стали улучшать наше продовольствіе. Ежедневно вывѣшивалось меню обѣда. Скоро предложили намъ самимъ вѣдать хозяйственныя дѣла, т. е. заказывать обѣды по своему вкусу. Предоставили намъ писать расписаніе для прогулокъ, т. е. гдѣ, кто и съ кѣмъ хочетъ гулять; сами же мы выбирали себѣ товарищей для занятія въ мастерскихъ. Такое самоуправленіе часто практикуется въ тюрьмахъ; оно избавляетъ администрацію отъ очень утомительныхъ заботъ, но главное, избавляетъ ее отъ многихъ столкновеній и нареканій.

Постепенно рѣшили передать намъ въ наше распоряженіе заработанныя деньги,—за все время ихъ накопилось не болѣе 200 руб. Платили намъ и за токарныя работы: всѣ точеныя ограды въ Шлиссельбургской крѣпости сдѣланы нами. Въ казармы мы дѣлали шкафчики и еще кой-какія вещи, а въ школы по собственному желанію, безплатно, парты, доски, пюпитры и пр. Передали намъ также суммы, отпускаемыя Департаментомъ Полиціи на матеріалъ для нашихъ работъ, по 50 руб. въ мѣсяцъ. Благодаря этому, наши рукодѣльницы могли вязать товарищамъ фуфайки и пр. Наконецъ, предоставили въ наше распоряженіе чайныя суммы—1 р. 25 коп. въ мѣсяцъ, такъ что не пившіе чая стали покупать кофе или молоко; вмѣсто сахару, нѣкоторые пріобрѣтали мон-

пансье.—Если кто не могъ съѣдать всего хлѣба (хлѣба полагалось каждому на 5 коп. въ день), то изъ постепенныхъ сбереженій онъ покупалъ себѣ молока, сыру, селедку и т. д. Большимъ подспорьемъ для насъ послужили огороды и парники. Кромѣ того, что занятіе огородами и парниками было само по себѣ увлекательное, мы, благодаря ему, могли улучшить свою пищу.

5) Въ это время намъ стали передавать выдержки изъ запросовъ родныхъ, которые они посылали въ Департаментъ Полиціи. Эти запросы, вѣроятно, давно и часто посылались родными, но они лежали все время безъ движенія. Извѣстія были очень короткія, передавались намъ въ пересказѣ администраціи и состояли изъ нѣсколькихъ словъ: живы, здоровы, живемъ тамъ-то и просимъ отвѣчать. Разумѣется, мы стали отвѣчать; это позволялось намъ дѣлать разъ или два въ годъ.

Многіе получили очень тяжелыя извѣстія. За эти 6 или 7 лѣтъ умерли не только старые, но и молодые: у одного жена, у другого ребенокъ... Но скоро всѣ эти извѣстія стали раздражать своей шаблонностью: мы даже сомнѣвались въ ихъ достовѣрности. Мы въ своихъ письмахъ спрашивали родныхъ про ихъ старыя болѣзни, но на это никогда не получали отвѣта. Доставляли намъ карточки родныхъ, сообщали важныя вѣсти отъ нихъ, но все это намъ удавалось получать рѣдко: должно быть, родные не знали или не вѣрили, что ихъ письма дойдутъ до насъ.

6) Наконецъ, намъ разрѣшили собираться иногда вмѣстѣ, и эти собранія мы называли „клубами". Въ тѣхъ клѣткахъ, въ которыхъ мы гуляли и въ стѣнкахъ которыхъ уже раньше были продѣланы окошечки для того, чтобы мы могли видѣть другъ друга, верхнюю часть — треть всей стѣны — сдѣлали рѣшетчатою. Такимъ образомъ изъ одной клѣтки можно было видѣть гуляющихъ во всѣхъ другихъ клѣткахъ. Возлѣ окошечекъ были придѣланы скамейки иногда на высотѣ половины стѣнокъ. Сдѣланы рѣшетки въ стѣнахъ были подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы увеличить свѣтъ въ огородахъ и

клѣткахъ, гдѣ въ то время разводили цвѣты и садили кусты. Такой обходъ правилъ понадобился потому, что одиночное заключеніе для шлиссельбуржцевъ въ принципѣ не было уничтожено, но эти перемѣны не могли не бросаться всѣмъ въ глаза, и ревизовавшіе тюрьму видѣли, конечно, все это, какъ бы они ни старались закрыть на это глаза. Здѣсь, въ этихъ клубахъ, мы сначала сходились и болтали, а послѣ стали устраивать совмѣстныя чтенія и занятія. Такъ какъ книгъ по общественнымъ вопросамъ было очень мало, то занимались, по преимуществу, естественными науками, что было особенно удобно съ тѣхъ поръ, какъ пріобрѣли, по случаю, порядочный микроскопъ, увеличивавшій въ 300 разъ. Увлекались мы занятіями по физіологіи и гистологіи (человѣка и растеній), по минералогіи, зоологіи, анатоміи, ботаникѣ и пр. Часто мы дрожали по нѣсколько часовъ на морозѣ въ этой оригинальной аудиторіи. Были у насъ естественники, хорошо знавшіе свой предметъ и съ любовью и увлеченіемъ дѣлившіеся своими познаніями, и они приготовляли великолѣпныя модели для этихъ занятій.

Позднѣе мы стали получать иностранные статистическіе ежегодники, а Департаментъ полиціи присылалъ намъ „Вѣстникъ Финансовъ". Благодаря этому, стали возможны статистическія работы. Нѣкоторые занимались по историко-философскимъ вопросамъ. По всѣмъ этимъ предметамъ читались рефераты, происходилъ обмѣнъ мыслей, гадали о судьбѣ близкаго будущаго... Здѣсь же по временамъ происходили домашніе праздники. Въ 5-ой клѣткѣ мы ставили столъ и устраивали чай съ домашними угощеніями, приготовленными на лампахъ, на удивленіе и смѣхъ жандармовъ, которые сначала, кажется, мало вѣрили въ съѣдобность такихъ приготовленій. Иногда даже раздавались пѣсни. Начальство сперва думало протестовать, но потомъ махнуло рукой. „Вышки", гдѣ находились надзиравшіе за нами, однако не бездѣйствовали; стража неустанно слѣдила за нами; не перестали также водить заключеннаго между двухъ жандармовъ.

Часто мы, собравшись въ клубѣ, вспоминали о недавно

пережитыхъ годахъ, о погибшихъ товарищахъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Говорятъ, ихъ хоронили около стѣны крѣпости: гробъ несли 4 солдата съ вахмистромъ впереди и закапывали безъ обрядовъ. Положимъ, обряды никѣмъ изъ насъ не признавались, и умирающіе сами отказывались отъ священника, но съ точки зрѣнія самого начальства это было настолько дурно, что послѣ хвастались улучшеніемъ и относительно погребенія: стали звать попа, чтобы отпѣть покойника и запечатать гробъ.

Во время этихъ нашихъ свиданій мы впервые узнали толкомъ о томъ, о чемъ прежде слышали урывками. Такъ оказалось, что въ 87 году казнили на большомъ дворѣ пятерыхъ человѣкъ: Ульянова, Генералова, Андреюшкина, Осипанова и Шевырева. Судили ихъ по дѣлу 1-го марта 87 г. Процессъ окончился спустя 2 мѣсяца послѣ первыхъ арестовъ, и потому, вѣроятно, въ публикѣ мало знаютъ объ этомъ дѣлѣ. Изъ главныхъ обвиняемыхъ чуть ли не всѣ были—студенты петербургскаго университета, арестованные съ бомбами въ рукахъ по пути въ казанскій соборъ и на паперти его, куда ждали Александра III на панихиду 1-го марта. При арестѣ ихъ схватили за руку сзади всѣхъ четверыхъ въ одно время. Они, конечно, были выданы.

Черезъ 2 мѣсяца дѣло было окончено: пятерыхъ приговорили къ казни, двухъ къ заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости. Всѣхъ ихъ привезли въ Шлиссельбургъ.

Теперь только мы и узнали, куда исчезли 5 человѣкъ, которыхъ мы видѣли изъ оконъ въ 87 г., когда ихъ привезли, и удивлялись, почему вскорѣ послѣ этого перевели къ намъ въ новую тюрьму изъ старой только двоихъ, вмѣсто семерыхъ. Товарищи ихъ разсказывали, что держали они себя на судѣ очень мужественно; по слухамъ, мужественно они и умерли. Всѣ были молоды—отъ 21 до 27 лѣтъ. Вышли они изъ старой тюрьмы въ 5 ч. утра и больше туда не возвращались...

Кстати сообщу и о другихъ казненныхъ въ Шлиссельбургѣ.

Въ 84 г., по процессу 14-ти, привезли сюда двухъ военныхъ, Рогачева и Штромберга, для исполненія надъ ними смертнаго приговора. Съ Штромбергомъ кто-то успѣлъ перестукаться, но на другой день и онъ, и Рогачевъ исчезли. По слухамъ, ихъ повѣсили. Говорятъ, Рогачевъ оборвался съ висѣлицы, такъ что поднимали его вторично... Болѣе, кажется, никого не привозили въ Шлиссельбургъ для казни.

Въ 91-мъ году, какъ потомъ мы узнали, привезли къ намъ Софью Гинсбургъ изъ Петербурга, а за что—неизвѣстно. Посадили ее одну въ старую тюрьму (въ № 1-й). Черезъ недѣлю она зарѣзалась чѣмъ-то (кажется, ножницами),—такъ ее никто и не видѣлъ. Обо всемъ этомъ узнали мы изъ нѣкоторыхъ тюремныхъ источниковъ лѣтъ черезъ 5. Вѣроятно, ей показалось слишкомъ жутко, такъ какъ возлѣ нея не было тогда ни одного живого существа, ей подобнаго. Должно быть, она подумала, что такъ будетъ всегда. Упомяну здѣсь еще объ одномъ слухѣ: говорятъ, что она пробовала зарѣзаться еще въ Домѣ Предварительнаго Заключенія, но только сильно ранила себя,—и что послѣ этого сейчасъ же ее перевезли въ Шлиссельбургскую крѣпость. Вообще же, несомнѣнно, что она умерла въ старой тюрьмѣ въ декабрѣ 90 г. или въ январѣ 91 г.

Источниками всѣхъ этихъ свѣдѣній были или привозимые съ воли „новые“ товарищи, которые передавали намъ извѣстія, большей частью подтверждаемыя нашими собственными наблюденіями, или же мы сами видѣли изъ оконъ вновь прибывшихъ, и потомъ кто-нибудь изъ оставшихся въ живыхъ товарищей сообщалъ свѣдѣнія о казненныхъ. Мы всегда были склонны видѣть во всемъ примѣты прибытія новыхъ товарищей и часто ошибались, хотя зато врядъ ли смогли бы скрыть отъ насъ, если, дѣйствительно, кого привозили. Узнавали это мы по прекращенію работъ въ мастерскихъ въ старой тюрьмѣ (такъ мы догадались о томъ, что привезли Гинсбургъ), по несвоевременной раздачѣ пищи или слишкомъ большой торопливости и суетѣ въ тюрьмѣ. Тогда мы откры-

вали форточки въ окнахъ, выходящихъ на юго-западъ и прислушивались къ звону цѣпей,—уже съ половины двора были слышны звуки цѣпей. Влѣзать на окна безъ передвижной скамейки было такъ трудно, что рисковали всегда сорваться внизъ, не удержавшись за слабую опору; устраивали иногда лѣстницу изъ простыни и полотенца и привѣшивали ее къ крючку форточки. Трудность увеличивалась еще и тѣмъ, что въ такое время жандармы были особенно бдительны и могли бы замѣтить, какъ мы взбирались на окна, и стащить съ окна. Но все же всегда кто-нибудь да видѣлъ привезенныхъ и разсказывалъ потомъ тѣмъ, кому это не удалось. Вновь привезенныхъ вводили обыкновенно „подъ руки“, почти несли.

Вѣроятно, покажется страннымъ то нетерпѣніе, съ которымъ ожидали „новыхъ“. Да, надо сознаться въ этомъ! но это тѣмъ болѣе понятно, что не только въ первыя времена, но и до самыхъ послѣднихъ дней большинство—какъ срочные, такъ и безсрочные—не надѣялось когда-либо выйти изъ стѣнъ тюрьмы. Трудно представить себѣ, какъ велика въ душѣ человѣка потребность вѣчно думать о волѣ, быть неразрывно связаннымъ съ этой мыслью, желать видѣть когонибудь съ воли, а тѣмъ болѣе узнать, что тамъ произошло новаго, да еще узнать все это отъ своего товарища. Порой ощущаешь душевный и умственный голодъ—не то тоску, не то апатію, что доходило иногда до инстинктивнаго страха передъ мертвой пустотой не только въ собственной твоей жизни и въ жизни твоихъ товарищей по тюрьмѣ; нѣтъ, чувство это переносишь на жизнь на волѣ,—на все и на всѣхъ. Такія чувства, вѣроятно знакомы каждому, испытавшему долгое заключеніе. Все окружающее—и солнце, и небо, и люди, и звуки кажутся совсѣмъ иными, не связанными съ нами привычными представленіями, а потому являются чѣмъто страннымъ, чуждымъ, какъ все непонятное, враждебное. Вѣроятно, у нѣкоторыхъ это настроеніе дошло до вопроса—зачѣмъ жить, у другихъ до помѣшательства; полупомѣшательство же не миновало никого. Самые частые сны у всѣхъ

безъ исключенія были побѣги,—самые невѣроятные, всегда кончавшіеся поимкой; и эти сны не переставали у сидѣвшихъ въ тюрьмѣ и послѣ десяти лѣтъ неволи... Да, часто, часто испытываешь эту тоску и чувствуешь въ себѣ затаенное желаніе, чтобы привезли еще новыхъ товарищей. И это все тѣмъ болѣе естественно, что, несмотря на улучшившіяся условія, постоянно сознаешь ужасный гнетъ безцѣльной, безсмысленной жизни!

Теперь, когда я далеко отъ Шлиссельбурга, мнѣ часто представляются всѣ живущіе тамъ прямо-таки полуживыми. Тамъ все распредѣлено по минутамъ,—такъ бѣдна содержаніемъ и событіями внутренняя жизнь: завтра то же, что было вчера. Часто, бывало, вставая утромъ, думаешь: „хоть бы что-нибудь новое, хотя бы и худшее“, и съ отвращеніемъ идешь снова все по той же тропинкѣ, по которой ходилъ 12—13 лѣтъ, съ тѣми же двумя жандармами, не дающими ступить въ сторону. За стѣны тюрьмы никто никогда не выходилъ, и—казалось иногда—отдалъ бы полжизни, чтобы только взглянуть съ башни на волю, вдаль. Днемъ, пока занятъ чтеніемъ книги или какимъ-нибудь домашнимъ дѣломъ, хоть сколько-нибудь сносно. Но сколько муки испытываешь вечеромъ! Часто ту же муку испытываешь и днемъ, нѣсколько дней подъ-рядъ. Теперь я понимаю, что только люди съ сильной волей сохраняютъ въ себѣ способность жить въ тюрьмѣ. Становится невыносимымъ именно этотъ мертвый покой, безвыходность, бездѣятельность. Судя по внѣшнему виду, люди здоровы, иногда даже отличаются наклонностью къ полнотѣ, но состояніе ихъ души лучше всего будетъ видно изъ дальнѣйшихъ описаній событій, когда сдѣлали попытку снова отнять данныя намъ льготы.

Дѣло въ томъ, что всѣ вольности оставались „полупризнанными“, не были утверждены „свыше“, система одиночнаго заключенія не была уничтожена, а потому мѣстная администрація всегда могла безъ всякихъ затрудненій вернуться къ старому. Съ другой стороны, самыя эти льготы были часто стѣснительны, вслѣдствіе строгаго исполненія всѣхъ правилъ.

Такъ, разрѣшеніе видѣться съ кѣмъ-либо въ установленные часы и въ установленномъ мѣстѣ [1]) было очень тягостно: идешь на свиданіе, когда хочется быть одному, и обратно. Не говорю уже о томъ, что многое получалось съ большимъ трудомъ. Такъ, когда умиралъ Юрковскій (въ 96 г.), хотя и позволили ухаживать за нимъ ночью, но очень неохотно. Во время прогулокъ можно было быть только вдвоемъ. Какъ мы ни добивались, чтобы разрѣшили гулять втроемъ, въ этомъ намъ не уступали ни за что. Такимъ образомъ, быть всѣмъ вмѣстѣ можно было только въ „клубѣ", но и при этомъ всѣ были раздѣлены заборами по двое и могли видѣть другъ друга лишь черезъ рѣшетки забора. Для того, чтобы видѣть товарищей, приходилось зябнуть на прогулкѣ въ продолженіе всей длинной петербургской зимы, мокнуть подъ дождемъ чуть не круглый годъ,- хотя на прогулкахъ и подѣлали кой-какіе деревянные навѣсы. Больнымъ же часто приходилось, вслѣдствіе холода, дождя и т. п., уходить съ прогулки къ себѣ въ камеру. Вотъ почему мы стали говорить объ открытіи форточекъ въ дверяхъ, хотя бы только въ мастерскихъ во время работы, подъ предлогомъ, что это необходимо, когда дѣлается одна и та же вещь нѣсколькими лицами, а послѣ стали настаивать на разрѣшеніи выходить въ коридоръ за матеріаломъ для работы. Это было необходимо, потому что въ мастерскихъ не помѣщались большія доски; притомъ же только въ коридорѣ можно было дѣлать сборку большихъ вещей. Комендантъ согласился на эти наши заявленія, хотя и неохотно.

Въ 1895 г. стали еще выпускать на большой дворъ, а также въ парники человѣка по два послѣ обѣда. Въ старой

---

[1]) Теперь заключенные могутъ видѣться съ 9 ч. утра до 9 ч. вечера, и только для женщинъ существуетъ исключеніе: имъ позволяютъ видѣться лишь во время утренней прогулки отъ 8 до 12 часовъ.

Въ настоящее время сидящіе въ Шлиссельбургской крѣпости очень часто перестукиваются другъ съ другомъ въ длинные зимніе вечера, — стучать они также и по утрамъ отъ 6 до 8 час. Авт.

тюрьмѣ была кухня съ окномъ, выходившимъ на этотъ дворъ. Послѣдніе два года намъ разрѣшали стряпать себѣ тамъ что-нибудь въ праздничные дни или по какому-либо иному предлогу. И вотъ у этого окна стали устраиваться чаи и бесѣды. Образовался, такимъ образомъ, еще „клубикъ“, и засѣданія наши тамъ продолжались отъ часу до 3-хъ или 4-хъ. Начались также занятія и чтенія у форточекъ мастерскихъ. Начальству всѣ эти собранія не нравились, и оно постоянно просило, чтобы мы поменьше собирались группами. Спрашивается, зачѣмъ и почему понадобилось это стѣсненіе? Послѣ объяснили намъ, что боялись нашихъ столкновеній съ дежурными; но никакихъ столкновеній именно и не было, пока не заставили дежурныхъ чуть ни силой „разгонять“ и „отгонять“ насъ отъ форточекъ. Запрещеніе это стало сильно раздражать насъ, и мы постоянно чувствовали какое-то насиліе, точно мы были звѣри какіе-то безъ разума, безъ смысла... Почему насъ такъ сторожили? Мало развѣ было однихъ замковъ: 1) въ камерѣ, 2) въ тюремной двери, 3) въ воротахъ тюремнаго двора и 4) въ крѣпостныхъ воротахъ? Стража ходила день и ночь на стѣнахъ тюрьмы и у ея стѣнъ. Толпы унтеръ-офицеровъ внутри тюрьмы, кордегардія, наполненная карауломъ, цѣлыя казармы солдатъ. Эти замки и аргусы были часто положительно невыносимы отъ одного созерцанія ихъ; одинъ звукъ тюремщиковъ возмущалъ насъ. И это все продѣлывалось по отношенію къ людямъ, оторваннымъ отъ воли 14 лѣтъ тому назадъ, живущимъ какъ будто на томъ свѣтѣ, потерявшимъ ясное представленіе о дѣйствительной жизни! Сношенія съ городомъ черезъ каналъ всегда, какъ и въ то время, были очень строги, такъ что невозможно объяснить себѣ, чѣмъ была вызвана такая охрана.

За послѣднее время, въ періодъ улучшеній, насъ будто забыли—ревизіи дѣлались очень рѣдко. Съ началомъ новаго царствованія (Николая II) опять повѣяло чѣмъ-то зловѣщимъ. Снова обратили на насъ вниманіе и рѣшили привести насъ въ то положеніе, въ какомъ мы были раньше, т. е. подчинить строгой дисциплинѣ и субординаціи. Нашли, что мы

слишкомъ распустились и сдѣлались хозяевами своего положенія. Что это были не только однѣ угрозы, скоро доказалъ пріѣхавшій ревизоръ—какой-то жандармскій полковикъ, который не постыдился сдѣлать обыскъ вездѣ, даже подъ кроватями въ нашемъ отсутствіи. Говорятъ, въ Департаментѣ полиціи думали, что мы дѣлаемъ чуть ли не бомбы и имѣемъ сношенія съ волей. Держалъ себя ревизоръ какъ начальство, входилъ безъ поклона, озирался кругомъ и молча уходилъ. Результатомъ его визита было стѣсненіе въ полученіи книгъ, попытки закрыть форточки въ мастерскихъ и уничтожить „клубы". Разъ-таки заперли форточки, но товарищи, не вошедшіе еще въ камеры, отказались выйти изъ коридора, подняли шумъ и стали переговариваться съ запертыми о томъ, какъ снова отвоевать открытіе форточекъ. Только что назначенный смотритель Дубровинъ, который очень безтактно хвасталъ, что усмирялъ въ кадетскомъ корпусѣ даже сорванцовъ, велѣлъ открыть, сказавъ, что это было сдѣлано по недоразумѣнію. Но за этой попыткой возвращенія къ старому послѣдовали другія попытки, а вмѣстѣ съ тѣмъ началась упорная, отчаянная борьба. Уступать ни за что не хотѣли, о прежнихъ порядкахъ никто не хотѣлъ слушать. Разъ даже дѣло дошло до вызова военнаго караула,—это было въ первый разъ за 12 лѣтъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, вѣроятно, пересолилъ дежурный унтеръ-офицеръ,—вообще, многіе изъ старыхъ служащихъ, помня старину, очень охотно стали пересаливать въ своемъ усердіи. Караула не впустила къ намъ въ зданіе тюрьмы сама же стража, потому что она могла ожидать большого столкновенія. Караулъ обязанъ былъ хватать неисполняющихъ приказаній арестантовъ (а таковыхъ было много), вязать ихъ и даже пускать въ ходъ холодное оружіе, смотря по командѣ караульнаго офицера. Среди заключенныхъ было сильное возбужденіе. Одинъ грозилъ поднятымъ топоромъ, если бы кто изъ стражи сказалъ хоть „еще одно грубое слово".

Столкновенія съ администраціей стали повторяться очень часто, но начальство никого изъ насъ не наказывало, моти-

вируя это тѣмъ, что всѣ заключенные „душевно-больные". Было очевидно, что болѣе никто не сможетъ выносить такого режима... Объ уничтоженіи клубовъ на гуляньяхъ боялись даже заговаривать, хотя и намекали на возможность задѣлать рѣшетки, если мы не станемъ смирнѣе. „И что̀ вамъ стоитъ сдѣлать это хоть для виду", говорили намъ. Однако, все же лишили насъ права выходить въ коридоръ болѣе чѣмъ двумъ человѣкамъ сразу, и уничтожили „клубикъ" у окна кухни, такъ что лѣтомъ 1896 года г. было больше непріятностей отъ столкновеній съ начальствомъ изъ-за права видѣться съ товарищами, чѣмъ удовольствія побыть вмѣстѣ. Мы даже думали, не умышленно ли вызываютъ этимъ всѣхъ насъ на отпоръ. Дѣло въ томъ, что все это началось какъ разъ послѣ коронаціоннаго манифеста, и намъ казалось, что правительству хочется найти какое-либо оправданіе для себя, чтобы не примѣнять къ намъ манифеста. Однако, это были только догадки и, какъ то оказалось, ошибочныя.

Умирающихъ теперь не было. Послѣднимъ умеръ (въ 1891 или 1892 г.) Буцинскій. Онъ умеръ одинъ въ своей камерѣ, потому что товарищи, ухаживавшіе за нимъ, бывали въ его камерѣ лишь въ опредѣленные часы. Хоронили его тоже неизвѣстно какимъ образомъ. Буцинскій до послѣдняго дня занимался (если я не ошибаюсь) статистическими работами, хотя уже давно былъ болѣзнью прикованъ къ кровати, такъ что самъ не могъ ходить на прогулку и товарищи выносили его на дворъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Онъ страдалъ отъ рака желудка и умеръ,—кажется, очень быстро—отъ разрыва сердца. Остальные же съ хроническими легочными болѣзнями поправились и вообще всѣ были физически болѣе или менѣе здоровы. Въ послѣдніе два года гуляли лѣтомъ по 6 часовъ (утромъ отъ 8 до 12 и вечеромъ отъ 4 до 6 часовъ). Больные могли быть на дворѣ и послѣ обѣда,—здоровые всегда уступали имъ свои смѣны.

Теперь стали преобладать болѣзни нервныя и душевныя. Совсѣмъ на глазахъ товарищей сошелъ съума Похитоновъ, офицеръ, обвинявшійся въ 1884 г. въ принадлежности къ

военной организацiи. Сидѣлъ онъ десять лѣтъ въ Шлиссельбургѣ, всѣ его любили. Вдругъ началъ онъ ссориться изъ-за всякаго пустяка и, главнымъ образомъ, изъ-за политическихъ и общественныхъ вопросовъ, предлагалъ устроить коммуну довольно страннаго характера и пр. За все онъ хватался, увѣряя въ грандiозности успѣха, читалъ лекцiи о приготовленiи хорошаго табаку изъ разводимаго у насъ простого [1]), сажалъ цвѣты какимъ-то необыкновеннымъ способомъ, выдумывалъ необычайную машину. Все у него выходило нелѣпо, а онъ убѣждалъ, что отлично. Всѣмъ, разумѣется, стало ясно, что происходитъ съ нимъ. Потомъ онъ началъ писать по цѣлымъ днямъ и ночамъ: сочинялъ теорiи, какъ осчастливить людей,—онъ былъ въ это время въ полномъ бреду. Наконецъ, сдѣлался буйнымъ, сталъ нападать на жандармовъ и товарищей, покушался на самоубiйство. Жандармы и докторъ угождали ему, какъ только могли, и сносили всѣ капризы и прихоти больного, такъ что и мы, и они ухаживали за нимъ непрерывно въ его буйный перiодъ. Самъ докторъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы его увезли, такъ какъ Похитоновъ могъ убить и себя, и другихъ. Разъ онъ чуть не раздавилъ себѣ шейные позвонки, вставивъ въ ротъ острую ножку тяжелой желѣзной койки, падавшей съ крючка съ большой силой. Къ счастью, его увезли въ Николаевскiй петербургскiй военный госпиталь послѣ 6—7 мѣсяцевъ его болѣзни. Похитоновъ безнадеженъ: у него прогрессивный параличъ.

Между тѣмъ Щедринъ впалъ въ полный идiотизмъ. Онъ цѣлыя шесть лѣтъ не показывался изъ своей камеры, но въ послѣднiе два года сталъ выходить къ намъ на свиданiя; онъ придѣлалъ себѣ шпоры, голубиныя перья, относился ко всѣмъ свысока, а въ болѣе буйный перiодъ бранилъ и насъ

---

[1]) Другого табаку не давали, и курильщики, испробовавъ куренiе крапивы, моху, травъ и пр., какъ-то ухитрились добыть сѣмянъ цвѣточныхъ сортовъ табаку. Теперь разрѣшили покупать на заработанныя деньги настоящiй табакъ. Авт.

и жандармовъ, называя ихъ холопами, а насъ упрекалъ, что мы слишкомъ мало революціонеры.

Коношевичъ почти не выходилъ изъ камеры. Онъ составилъ себѣ росписаніе дня,—то, подобно Похитонову, писалъ сочиненіе, какъ осчастливить міръ, то пѣлъ, то свисталъ, то плясалъ... И это каждый день въ теченіе полутора или двухъ лѣтъ. Его дикое завываніе и свистъ разносились день и ночь по тюрьмѣ и страшно разстраивали всѣхъ. Однако только послѣ увоза Похитонова мы рѣшились заявить о Коношевичѣ. Мы боялись, чтобы его не изолировали въ старую тюрьму, гдѣ унтеръ-офицеры обижали бы его: имъ изъ за него пришлось бы увеличить время дежурства. Но все же мы рѣшились заявить, что невозможно держать сумасшедшихъ безъ надлежащаго надзора и ухода, притомъ еще на глазахъ здоровыхъ людей, прикованныхъ къ одному и тому же мѣсту. Въ то же время мы условились отстоять его въ случаѣ, если его станутъ уводить въ старую тюрьму. Лѣтомъ 1896 г. пріѣхалъ къ намъ министръ внутреннихъ дѣлъ Горемыкинъ и самъ услышалъ завыванія и бредъ Коношевича. Мы снова повторили ему свое заявленіе. Министръ выслушивалъ насъ съ неудовольствіемъ и послѣ двухъ-трехъ заявленій становился нетерпѣливымъ при первыхъ же словахъ о „душевно-больныхъ"; когда же его останавливали, продолжая говорить, повысивъ голосъ, онъ отвѣчалъ: „знаю, знаю уже". Черезъ два мѣсяца послѣ этого обоихъ, Щедрина и Коношевича, увезли въ Казань. Щедринъ сидѣлъ больнымъ одиннадцать лѣтъ, Коношевичъ—восемь.

5 сентября 1896 года умеръ отъ болѣзни почекъ и водянки Юрковскій. Болѣлъ онъ много лѣтъ и былъ все время раздражительнымъ, но такъ какъ онъ не любилъ говорить о своей болѣзни, то начальство и докторъ приписывали эту раздражительность его дурному нраву и немилосердно записывали его въ штрафной журналъ; прямыхъ наказаній, впрочемъ, они избѣгали. Кончилось тѣмъ, что за два мѣсяца до смерти Юрковскаго, по усиленной просьбѣ его товарищей, зашелъ къ нему докторъ, — и черезъ два дня мы узнали,

что у него водянка. Администрація и докторъ почувствовали, повидимому, угрызеніе совѣсти и въ теченіе этихъ двухъ мѣсяцевъ ухаживали за нимъ какъ только могли; когда же онъ былъ совсѣмъ безпомощнымъ, хлопотали о переводѣ его въ петербургскую больницу для свиданія съ матерью—восьмидесятилѣтнею старушкою, которая тщетно много, много разъ хлопотала о свиданіи и, наконецъ, лѣтомъ 1896 года въ письмѣ, полномъ отчаянія, прислала ему свое послѣднее благословеніе, крестъ и молитвенникъ, по которому она молилась въ теченіе всего времени заключенія Юрковскаго, т. е. 16 лѣтъ, съ надписью, что больше не въ силахъ добраться до Петербурга. Юрковскій страшно хотѣлъ умереть не въ ненавистной камерѣ, а хотя бы по дорогѣ, на пароходѣ, который онъ такъ любилъ по воспоминаніямъ семейнымъ и личнымъ,—но умеръ онъ въ камерѣ. Смерть онъ встрѣтилъ мужественно. Ночью ему предложили пригласить священника, но онъ отказался, а просилъ дежурившихъ при немъ товарищей послать коменданту просьбу позволить проститься съ обѣими женщинами; эту просьбу исполнили, и онъ простился съ ними въ полномъ сознаніи, хотя совсѣмъ уже задыхался. Черезъ два часа онъ умеръ. Тѣло его, прибранное товарищами, лежало въ открытой камерѣ. Чтобы получить на это разрѣшеніе, потребовалось нѣкоторое время, и камера была заперта часа три. Когда принесли гробъ, всѣ въ послѣдній разъ простились съ нимъ и положили ему на грудь благословеніе матери. На другой день въ 6 часовъ утра, когда раздавали чай, скрипнули ворота тюрьмы, и сторожившіе товарищи дали знать всѣмъ, что гробъ выносятъ. Вынесли сосновый ящикъ четыре солдата, впереди шелъ офицеръ—и унесли за ворота крѣпости. Все же это былъ единственный больной, пользовавшійся въ такой мѣрѣ уходомъ и вниманіемъ товарищей и администраціи. Ранѣе никому невозможно было ничѣмъ помочь.

Хлопоты о переводѣ Юрковскаго въ Петербургъ оказались возможны вслѣдствіе происходившаго въ это время—и даже нѣсколько раньше—обсужденія или уже рѣшенія о примѣненіи

манифеста къ сидящимъ въ Шлиссельбургѣ, о чемъ мы и не догадывались тогда. Юрковскій, навѣрное, былъ бы увезенъ изъ Шлиссельбурга по этому манифесту, такъ какъ уже отбылъ свой 15-лѣтній срокъ и теперь сидѣлъ за побѣгъ съ Кары.

О примѣненіи манифеста никто и не думалъ. Всѣ мы были увѣрены, что Шлиссельбургъ изъятъ изъ всѣхъ общихъ тюремныхъ правилъ,—къ тому же въ послѣдній годъ происходила непрерывная борьба, вслѣдствіе новыхъ прижимокъ. Какъ вдругъ (это было черезъ семь мѣсяцевъ послѣ коронаціи), когда мы по обыкновенію работали въ мастерскихъ, вызвали къ коменданту десять заключенныхъ. Этого еще никогда не было. Воображеніе всѣхъ было такъ напряжено, что ждали чего-нибудь недобраго, если не для всѣхъ, то для вызванныхъ. Оставшіеся ждали въ страшномъ волненіи часа полтора, пока вернувшіяся товарищи не сообщили имъ о прочтеніи бумаги изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ бумагѣ было сказано, что министръ внутреннихъ дѣлъ по совѣщанію съ министромъ юстиціи нашелъ возможнымъ, въ виду добропорядочнаго поведенія такого-то, представить на усмотрѣніе государя о сокращеніи срока каторжныхъ работъ на одну треть, а тѣмъ, кто пробылъ двѣ трети срока, замѣнить заключеніе въ крѣпости ссылкой на поселеніе,—„что государь милостиво разрѣшить соизволилъ“.

Серьезное облегченіе получили только 6 человѣкъ (всѣхъ сидѣло въ это время 21 человѣкъ): троимъ изъ нихъ вѣчное заключеніе было замѣнено двадцатилѣтнимъ; троимъ уменьшенъ срокъ на шесть лѣтъ. Пятеро должны были 23 ноября 1896 г. отправиться на поселеніе въ Сибирь: Шебалинъ, Мартыновъ, Суровцевъ; Яновичъ въ Якутскую область, а я—на Сахалинъ.

Въ дни сборовъ для отправки пяти человѣкъ въ теченіе двухъ недѣль было много разговоровъ съ администраціей. Высказывались предположенія, будто хотятъ подчинить Шлиссельбургскую крѣпость общему тюремному положенію. Не знаю, вѣрно ли это. Знаю только, что если бы даже сокра-

тили срокъ заключенія, то для того, чтобы выдержать тамошнюю жизнь, нужно страшное напряженіе воли, и что въ случаѣ ухудшенія условій никто не вынесетъ и двухъ—трехъ лѣтъ. Это могу сказать съ полной увѣренностью,—администрація же въ этомъ давно убѣдилась. Заключенные въ Шлиссельбургскую крѣпость смогутъ выжить до конца своего срока только при улучшенныхъ условіяхъ, т. е. если будутъ имъ давать новые книги и журналы, разрѣшать переписку и свиданія къ родными и полное общеніе между собой, при отсутствіи всякихъ окриковъ со стороны администраціи.

Думая о томъ, какъ мало надежды на лучшее для оставшихся въ Шлиссельбургѣ, я вспоминаю свое пребываніе тамъ и удивляюсь, какъ это я теперь говорю, занимаюсь, читаю, работаю, пою, смѣюсь... Странно, какъ будто это не я дѣлаю.

Раньше было упомянуто, что сумасшедшихъ было много,—именно, не менѣе одной трети (одни изъ нихъ умерли, другихъ увезли изъ Шлиссельбурга, третьи—выздоровѣли). Человѣка два—три и теперь осталось въ Шлиссельбургѣ изъ числа выздоровѣвшихъ. Глядя на нихъ, видишь, какъ близка для нихъ опасность снова сойти съ ума,—они это сами сознаютъ и часто объ этомъ заговариваютъ съ обычной мнительностью больныхъ.

Издали теперь мнѣ представляется тамошняя жизнь—жизнью полумертвыхъ людей... Существуетъ ходячее мнѣніе о возможности свыкнуться съ тюрьмой до нежеланія разстаться съ ней. Этого я не только не могу подтвердить, но и не понимаю: должно быть, что-нибудь подобное можетъ случиться или съ людьми очень неразвитыми, для которыхъ возможна жизнь очень несложная въ душевномъ смыслѣ, или какъ ненормальное болѣзненное явленіе. Такъ, напр., Щедринъ, не выходившій изъ камеры въ теченіе шести лѣтъ, кричалъ, когда у него рѣшались открыть форточки: ему сталъ невыносимъ свѣжій воздухъ. Но и онъ черезъ шесть лѣтъ снова почувствовалъ удовольствіе выйти изъ камеры и насладиться лѣтнимъ солнцемъ и тепломъ...

Трудно забить душу и умъ въ живомъ и развитомъ человѣкѣ, и какъ бы ни поддерживала его мысль о пользѣ страданій за идею,—его умъ и душа жаждутъ жизни и развитія: вѣдь „кто не идетъ впередъ, идетъ назадъ"... Сидя въ тюрьмѣ, нѣкоторое удовлетвореніе находишь лишь въ постоянной борьбѣ за чувство человѣческаго достоинства, вслѣдствіе ежеминутныхъ попытокъ заглушить ихъ. Но и къ опасности привыкаешь, и она со временемъ теряетъ свое поддерживающее значеніе,—и все, что тогда остается въ итогѣ, все это мертво.

